У17 6/28

У17 6/28

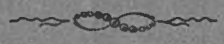
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

МЕЖДУ СЕРБАМИ и РУССКИМИ

ВЪ ОБРАЗОВАНІИ И ЛИТЕРАТУРѢ.

У17 6/28



РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Кіевской духовной Академіи 28 сентября 1876 года

ЭКСТРАОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ АКАДЕМІИ

К. Петровымъ.

КІЕВЪ.
Тип. С. Т. Еремѣева, Бибиковскій бульваръ, собств. домъ.
1876.

С 566/70
У17 6/28

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

МЕЖДУ СЕРБАМИ и РУССКИМИ

ВЪ ОБРАЗОВАНІИ И ЛИТЕРАТУРѢ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Кіевской духовной Академіи 28 сентября 1876 года

ЭКСТРАОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ Академіи

К. Петровымъ.

КІЕВЪ.
Тип. С. Т. Еремѣева, Бибиковскій бульваръ, собств. домъ.
1876.

1324/4

Изъ ноябрьской книги „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“, за 1876 г.

388456

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ СЕРБАМИ И РУССКИМИ

ВЪ ОБРАЗОВАНІИ И ЛИТЕРАТУРѢ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Кіевской духовной Академіи 28 сентября, 1876 года).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко и
Мм. Гг!

Пользуясь настоящимъ случаемъ, я хотѣлъ бы обратить Ваше милостивое вниманіе на историческую основу тѣхъ отношеній, какія существуютъ въ настоящее время между сербами и русскими. Нынѣшнее горячее сочувствіе русскаго общества къ братьямъ—славянамъ и особенно къ той части сербовъ, которая геройски борется теперь за жизнь и честь, за святой крестъ и свободу съ «богопротивными агарянами», не есть какая либо случайная вспышка, вызванная капризными обстоятельствами, не есть какая либо мода на милосердіе, такъ же скоро проходящая, какъ и всѣ другія моды. Оно имѣетъ глубокое историческое основаніе, заключающееся въ происхожденіи и судьбахъ русскихъ славянъ и сербскихъ. Оба эти единоутробныя племена славянскія одинаково приняли православную вѣру, поставлены были въ одинаковыя политическія обстоятельства и очутились между восточными варварами и западною Европою. Часто они побѣждали своихъ со-

сѣдей—враговъ, нерѣдко сами побѣждались ими и терпѣли тяжкое иго, но всегда, въ теченіи долгихъ вѣковъ, оказывали другъ другу посильную помощь, прямую или косвенную, матеріальную или духовную. Правда, если мы будемъ обращать вниманіе только на политическія судьбы обоихъ народовъ; то найдемъ иногда какіе-то перерывы въ ихъ взаимо-помощи, когда тотъ или другой народъ стѣсняемъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ грубою стороннею силою и политическими интригами. Но, независимо отъ внѣшней грубой силы и политическихъ комбинацій, существуетъ другая область, неуловимая для внѣшняго глаза, не стѣсняемая никакими насиліями и политическими разсчетами. Это область духовно-нравственнаго состоянія народа, его завѣтныхъ думъ и стремленій, симпатій и антипатій, его литературы и просвѣщенія. И въ этой-то свободной, чисто духовной области, разсматриваемой въ связи съ политическими отношеніями, мы увидимъ исконное, непрерывное общеніе между сербами и русскими, блистательнымъ завершеніемъ котораго служитъ настоящее общественное настроеніе Россіи въ пользу страдающихъ отъ турецкаго ига славянъ.

Главная мысль, лежащая въ основѣ общенія между сербами и русскими, есть мысль о сохраненіи и развитіи христіанско-славянской образованности, начало которой положили наши св. первоучители Кириллъ и Меѳодій. Ихъ безсмертное дѣло составленія славянскаго алфавита и образованія славянской письменности быстро перешло отъ болгаръ во всѣ славянскія земли и угрожало надменному теперь своимъ образованіемъ западу основать особую славянскую образованность, если не въ противоположность и отличіе, то въ дополненіе просвѣщенію западно-европейскому. «Тоже самое время,—говоритъ одинъ славянскій ученый,—когда латинскій языкъ господствовалъ въ западной Европѣ, какъ посредникъ вѣры, науки и образованія, когда арабскій языкъ распространялъ свое го-

сподство въ Азіи, Африкѣ и Испаніи,—тоже самое время возбуждало ожиданія, что и на европейскомъ востокѣ, наряду съ греческимъ языкомъ и культурою, возникнетъ, на основаніи древне-болгарскаго языка, совершенно новая христіанско-славянская образованность» [1]). Ожиданія эти не сбылись *въ свое время*, потому что одно за другимъ славянскія племена теряли свою политическую самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое просвѣщеніе и литературу; но онѣ сбывались и сбываются *постепенно и преемственно* у разныхъ славянскихъ племенъ, благодаря ихъ общительности между собою. Дѣло въ томъ, что славянскій міръ въ цѣломъ своемъ объемѣ никогда одновременно не былъ порабощенъ врагами, но всегда имѣлъ своего свободнаго представителя, который наслѣдовалъ отъ своихъ порабощенныхъ соплеменниковъ умственное достояніе ихъ и съ приращеніемъ передавалъ его другимъ славянскимъ племенамъ. Сначала Болгарія является посредницею между Византіей и славянскими собратіями своими и носительницею славянскаго просвѣщенія и литературы. Но Болгарія скоро падаетъ и передаетъ свое умственное наслѣдіе Сербамъ, которые въ свою очередь продолжаютъ дѣло болгарскаго просвѣщенія и не только знакомятся съ византійской литературой, но усвояютъ себѣ отъ Итальянцевъ и Нѣмцевъ результаты западноевропейской образованности. Съ паденіемъ Болгаръ и Сербовъ, Россія пользуется плодами ихъ умственной работы и съ теченіемъ времени сама начинаетъ заботиться о возстановленіи политической самостоятельности и о просвѣщеніи своихъ угнетенныхъ собратьевъ. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ сохраненія и развитія христіанско-славянской образованности первую ступень представляетъ изъ себя болгарская образованность и ли-

1) Исторія сербо-хорватской литературы, В. Ягича, въ переводѣ на русскій языкъ. Казань, 1871 г., стр. 61.

тература, выше ея стоитъ просвѣщеніе и литература Сербовъ, знакомыхъ не только съ византійской литературой, но и съ западно-европейской; а завершеніемъ славянской культуры должны служить русское просвѣщеніе и литература, принадлежащія самостоятельному народу, который позже другихъ славянъ выступилъ на историческое поприще и воспользовался опытами своихъ менѣе счастливыхъ собратьевъ.

Если, послѣ этого, мы обратимся ко взаимнымъ отношеніямъ между Сербами и русскими въ частности; то эти отношенія представятся намъ въ такомъ видѣ. При болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, Сербы выработали нѣкогда свою культуру; но, съ потерею политической самостоятельности и подчиненіемъ чужому игу, передали результаты своей образованности Россіи, которая, воспользовавшись ими, въ свою очередь сдѣлалась защитницею и учительницею Сербовъ.

I.

Чтобы оцѣнить всю полноту и разнообразіе сербскаго просвѣщенія и литературы, мы должны взять во вниманіе не однихъ только Сербовъ православнаго исповѣданія, но и Сербовъ западныхъ—Хорватовъ и Кроатовъ. Послѣдніе тоже знакомы были нѣкогда съ проповѣдію православія, а въ настоящее время невольно служатъ тормазомъ для западно-европейской политики въ рѣшеніи восточнаго вопроса и освобожденіи восточныхъ славянъ. Восточные Сербы выработали свою образованность подъ византійско-болгарскимъ вліяніемъ, а Сербы западные—подъ вліяніемъ западно-европейскимъ.

Византійское вліяніе, которому подчинялись восточные Сербы, выразилось у нихъ 1) въ сохраненіи первородной и самостоятельной болгарской письменности; 2) въ собственныхъ переводахъ съ греческаго и отчасти латинскаго языковъ, и 3) въ

оригинальныхъ или—точнѣе—подражательныхъ произведеніяхъ сербскихъ писателей.

Изъ болгарскихъ переводовъ и оригинальныхъ произведеній доселѣ извѣстны въ сербскихъ редакціяхъ: творенія Ефрема Сирина, слова и бесѣды Іоанна Златоустаго, Прологъ, Патерикъ, бесѣды Григорія Двоеслова на евангеліе, толкованіе на Псалтирь, отрывки изъ Палеи или священной исторіи ветхаго завѣта, Пандекты инока Антіоха, Богословіе Іоанна Дамаскина, Шестодневъ Іоанна Экзарха болгарскаго и др. [1]). Къ нимъ мы прибавимъ рукопись нашей Академіи въ сербской рецензіи, XVI в., заключающую толкованія на евангелія или Благовѣстникъ Ѳеофилакта болгарскаго [2]).

Естественно, что, дѣлая списки съ готовыхъ переводовъ и сочиненій, принадлежащихъ другому племени, Сербы могли затрудняться, и дѣйствительно затруднялись переложеніемъ этихъ чужихъ и нерѣдко неисправныхъ переводовъ на свой языкъ. Такъ напр., сербскіе переписчики болгарской тріоди въ 1374 году жаловались: «велма ни іе било усильно прѣставлѣти га на срьбскы іезыкь... и како смо въ изводѣ находили, тако смо писали: ни одлагали, ни прилагали» [3]). Вслѣдствіе такихъ затрудненій Сербы дѣлали пересмотры, исправленія и новыя рецензіи прежнихъ болгарскихъ переводовъ. Такъ, въ XIV в. сербскій деспотъ Юрій Бранковичъ нашелъ прежній болгар-

---

1) См. Исторію сербск. языка, А. Майкова, Москва, 1857 г. стр. 47; Geschichte des Serbischen Schrifttums, Шафарика, 1865 г., стр. 202—215; Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, 1871 г., стр. 258. Отрывокъ твор. Ефрема Сирина въ сербской редакціи XV в. см. въ библіот. Кіев. Акад., по моему описанію № 154, л. 363 и слѣд.

2) Описаніе рукописей церковно-археолог. музея при Кіев. Акад., 1875 г., № 151, л. 460 и сл.

3) Учен. Записки. II, 102. Сн. истор. сербо-хорв. литер., Ягича, 1871 г., стр. 193.

скій переводъ Лѣствицы Іоанна Синайскаго недостаточнымъ, почему и велѣлъ привезти отовсюду въ Смедерево множество греческихъ и славянскихъ рукописей, созвалъ туда монаховъ, столѣтнихъ старцевъ изъ Хиландаря, которые подъ надзоромъ Браничевскаго митрополита Савватія составили новый, исправленный и дополненный текстъ Лѣствицы [1]). Болгарскій переводъ бесѣдъ Григорія Богослова тоже исправленъ былъ какимъ-то Сербомъ [2]). Отъ XIV—XV в. сохранилась также сербская рецензія хроники Георгія Амартола, въ первый разъ переведенной еще въ Болгаріи [3]).

Отъ передѣлокъ и исправленій готовыхъ болгарскихъ переводовъ недалекъ переходъ и къ самостоятельнымъ переводамъ. Такіе переводы могли быть дѣлаемы какъ въ монастыряхъ, находящихся въ самой Сербіи, напр. Ресавскомъ [4]), такъ особенно на Аѳонѣ, гдѣ еще въ концѣ XIII в. Стефанъ Нѣманя возобновилъ знаменитый монастырь Хиландарскій, называвшійся царскою лаврою. Здѣсь жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, которые, кромѣ отправленія монашескихъ обѣтовъ, занимались еще писаніемъ книгъ. Въ Хиландарскомъ монастырѣ было всего болѣе написано древнесербскихъ книгъ [5]). Близкое общеніе съ греками-аѳонитами

---

1) Описс. рукоп. Синод. библ., № 146, стр. 214—215; Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 198.

2) Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 198—199.

3) Тамъ же, стр. 198. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, Е. Голубинскаго, Москва, 1871 г., стр. 513. Сн. Изученіе византійской исторіи въ древней Руси, Фил. Терновскаго, гдѣ указывается древнѣйшій болгарскій списокъ на Аѳонѣ.

4) Очеркъ исторіи правосл. церквей, болгарской, сербской и румынской, Е. Голубинскаго, стр. 509.

5) Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 182. Кромѣ того, изъ надписей на сербскихъ рукописяхъ Кіев. Академич. библіотеки намъ извѣстно, что книги переписывались въ монастыряхъ Лѣсновскомъ Кратовскомъ, Саранданор-

давало сербамъ возможность усвоить греческій языкъ и дѣлать съ него переводы на сербскій языкъ. И дѣйствительно, мы имѣемъ какъ прямыя указанія на сербскіе переводы съ греческаго, такъ и сербскіе списки неизвѣстныхъ въ Болгаріи переводовъ, которые могли быть сдѣланы только Сербами. Особенно это нужно сказать о произведеніяхъ позднѣйшихъ отцовъ и учителей греческой церкви, напр. иподіакона Дамаскина, или о позднѣйшихъ переводахъ греческихъ твореній, когда сербы считались лучшими изъ славянъ мастерами въ переводческой дѣятельности.

Самостоятельная переводческая дѣятельность Сербовъ началась еще при св. Саввѣ сербскомъ, о которомъ извѣстно, что, будучи въ Солунѣ, «книгы многы прѣписа законьные о исправленіи вѣрѣ, ихъ же трѣбованіе соборьная смоу цьркьви» [1]). Между этими законными книгами прямо извѣстна кормчая книга, переведенная съ греческаго языка на арабскій или имъ самимъ, или по его порученію [2]). Послѣ св. Саввы переводили съ греческаго на сербскій языкъ слѣдующія лица: въ 1319 году архіепископъ Никодимъ перевелъ типикъ св. Саввы Іерусалимскаго [3]), въ 1371 году старецъ Исаія перевелъ книгу св. Діонисія Ареопагита [4]); аввы Патрикій и Авраамій, вѣроятно въ XIV в., перевели постническія слова Исаака Сири-

---

скомъ, Зографскомъ, Ключевищѣ при Черной горѣ, Лоонскомъ монастырѣ св. Павла и др. См. описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіев. дух. Акад., №№ 137, 154, 367, 369 и 371.

[1]) Исторія сербо-хорватской литературы, В. Ягича, стр. 187.

[2]) „Первоначальный славяно-русскій номоканонъ“, А. Павлова, Казань, 1869 г., стр. 88; см. очеркъ исторіи правосл. церкв., Е. Голубинскаго, стр. 503 и 556.

[3]) Истор. сербо-хорв. литер., Ягича, стр. 234—235.

[4]) Тамъ-же, стр. 233. См. опис. рукоп. Румянц. муз., стр. 161; газету День, 1862 г., № 18; Описан. рукоп. церковно-археолог. музея при Кіев. Акад., № 132.

на [1]); въ 1412 г. священникъ Гавріилъ въ Хиландарѣ перевелъ толкованія книги Іова, составленныя Олимпіодоромъ и др.; въ 1426 г. переведенъ Шестодневъ Іоанна Златоустаго двумя сербскими монахами Іаковомъ и Венедиктомъ [2]); въ 1688 году Аѳонскій монахъ Самуилъ Бакачичъ перевелъ сочиненіе Агапія Критскаго «о чудесахъ Богородицы» и, вѣроятно, другое сочиненіе того же Агапія «грѣшныхъ спасеніе» [3]).

Кромѣ того, есть нѣсколько десятковъ безъимянныхъ славянскихъ переводовъ съ греческаго и латинскаго, судя по сербской редакціи ихъ, тоже сдѣланныхъ Сербами. Съ латинскаго сдѣланъ сербскій переводъ житія Макарія Римлянина, обрѣтеннаго близь рая, сохранившійся въ сербской редакціи XIV в. [4]). Не перечисляя въ настоящее время этихъ переводовъ [5]), укажемъ только такіе переводы на сербскій языкъ, которые въ первый разъ открываются между рукописями, пожертвованными въ Кіевскую Академію и ея музей достоуважаемымъ отцомъ архимандритомъ Антониномъ. Таковы: 1) «Воспоминаніе къ своей душѣ» Петра Дамаскина, въ рукописи XVI вѣка [6]), переведенное Евѳиміемъ іеромонахомъ, ученикомъ Михаила

---

[1]) Описан. рукоп. Толстова, II, № 174, стр. 323—4; см. Опис. церковно-археологич. муз. при Кіев. Акад., № 151.

[2]) Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 200.

[3]) Geschichte des Serbischen Schriftthums, Шафарика, 1865 г., стр. 211—212. Сербскіе списки сочиненія „о чудесахъ Богородицы“ см. въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры, отдѣлъ славянскихъ рукописей, №№ 190 и 234.

[4]) Опис. рукописей Хлудова, № 195; см. Cursus Completus Patrologiæ, латинскіе отцы, t. LXXIII, p. 415—428; Опис. рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 152, л. 33.

[5]) Перечень ихъ можно видѣть: въ исторіи сербскаго языка, Майкова, стр. 47; Geschichte des Serbischen Schriftthums, Шафарика; Очеркѣ исторіи правосл. церквей, Голубинскаго, стр. 503 и сл.; Исторіи сербо-хорв. литер., Ягича; Описаніи рукописей Хлудова; въ собраніи Епископа Порфирія, Срезневскаго, въ XII т. Запис. Импер. Акад. наукъ, и др.

[6]) Описан. рук. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 153, л. 11.

даскала Святогорцемъ [1]); 2) Отрывокъ изъ какого-то Шестоднева, въ рукописи XV в. [2]); 3) Панегирикъ съ двумя житіями и нѣсколькими словами Златоустаго, также словами Григорія Богослова, Кирилла іерусалимскаго, Прокла константинопольскаго и Климента, XV в.; 4) Сборникъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго, Андрея Критскаго, Епифанія Кипрскаго и Аоанасія Александрійскаго [3]); 5) Патерикъ Сарандапорскаго монастыря, XV—XVI в. [4]); 6) Отрывки сочиненій Макарія, переложенныя какимъ-то логоѳетомъ, Марка, Максима, Нила, Симеона новаго богослова, Никиты Стифата, Григорія Синаита, Никифора Ксанѳопуло и др., въ спискѣ XVI в. [5]) и 7) «Сокровище» или собраніе словъ иподіакона Дамаскина, вѣроятно переведенное съ перваго венеціанскаго изданія ихъ въ 1528 году [6]).

Конечно, выборъ греческихъ и латинскихъ произведеній на сербскій языкъ опредѣлялся въ большинствѣ случаевъ потребностями сербскаго народа. Къ сожалѣнію, историки сербской литературы до сихъ поръ ограничиваются только простою номенклатурою сербскихъ переводовъ и не только не видятъ въ нихъ жизненнаго интереса, но даже нерѣдко сожалѣютъ о томъ, что столько труда употреблено было, напримѣръ, на исправленіе такого произведенія, какъ Лѣствица Іоанна Синай-

---

[1]) Описан. Синод. рук. № 140. Можетъ быть, Михаилъ даскалъ есть извѣстный старецъ Михаилъ Карейскій, упоминаемый въ одной рукописи подъ 1359 годомъ. См. истор. сербо-хорв. литер., Ягича, стр. 236.

[2]) Описан. рук. церковно-археол. музея при Кіев. Акад., по опис. № 28; см. собр. Ундольскаго, № 186.

[3]) Опис. рукоп. церковно-археологич. муз. при Кіев. Акад., №№ 137 и 139.

[4]) Тамъ же, № 154; см. Опис. рукоп. Хлудова, № 237, рукопись XV вѣка.

[5]) Описан. рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 151.

[6]) Тамъ же. № 290, См. Труды Кіев. дух. Акад., октябрь, 1873 г. Въ перечнѣ греческихъ изданій здѣсь не упомянуто венеціанское изданіе „сокровища“ 1562 г., находящееся въ Кіев. Академической библіотекѣ съ подписью Петра Могилы 1639 г. См. № А. 256.

ского, и не обращено вниманія на ближайшія потребности духовнаго блага сербскаго народа, помимо лѣствицъ [1]). Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, если разсматривать эти переводныя произведенія въ связи со всею совокупностію явленій сербской жизни, то окажется, что всѣ почти они имѣли въ виду ближайшія потребности духовнаго блага сербскаго народа. Одни изъ этихъ переводовъ имѣли отрицательное, врачующее значеніе для сербскаго народа, другіе созидали положительныя основы для благоустроенія сербскаго общества въ церковномъ и гражданскомъ отношеніяхъ; но тѣ и другія одинаково содѣйствовали религіозному и политическому объединенію сербскаго народа, его могуществу и славѣ. Постараемся подтвердить нашу мысль нѣсколькими аналогіями и соображеніями.

Нужно замѣтить, что полному объединенію сербскаго народа мѣшало его срединное положеніе между востокомъ и западомъ, увлекавшее Сербовъ то въ одну, то въ другую сторону. Въ церковно-религіозномъ отношеніи Сербія колебалась между Византіей и Римомъ и долго не могла установить единства религіознаго сознанія. Особенно это нужно сказать о болѣе близкихъ къ Риму областяхъ—Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ всегда значительно развитъ былъ элементъ римско-католическій. Вслѣдствіе этого въ Сербіи издавна существовала религіозная рознь, можетъ быть, поддерживаемая и присутствіемъ двухъ стихій, вошедшихъ въ составъ сербскаго народа, — туземной, неохотно покорившейся, и пришлой — завоевательной [2]). Противъ этой-то религіозной розни и направлена была дѣятельность и сербскаго духовенства и сербскихъ государей. Извѣстно, что аѳонскіе монастыри и сами терпѣли отъ латинянъ, и упорно боролись съ латинствомъ. Они побѣдоносно выдержали

---

[1]) Истор. сербо-хорват. литерат., Ягича, стр. 198.

[2]) Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, 1868 г., т. II, стр. 228.

борьбу съ Михаиломъ Палеологомъ за соединеніе съ Римомъ [1]). Въ этой борьбѣ съ латинствомъ принимали посильное участіе и православные Сербы, а сербскій король Душанъ вмѣнялъ даже православному духовенству въ обязанность стараться обращать всѣхъ латинцевъ въ православіе [2]). Вслѣдствіе этого мы имѣемъ нѣсколько переводовъ на сербскій языкъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. Такъ, напримѣръ, переведены были на сербскій языкъ творенія Григорія Паламы и Нила, архіепископовъ Солунскихъ [3]). Извѣстенъ также сербскій сборникъ XIV в., догматико-полемическаго характера, въ которомъ выдвигается на первый планъ различіе между восточною и западною церквами [4]). Перенесенныя на сербскую почву, въ сферу бытовыхъ отношеній, эти обличенія латинства могли оказывать важное пособіе дѣлу объединенія сербской религіозной мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сербскаго народнаго сознанія. Въ этомъ смыслѣ полемическая литература Сербовъ противъ католичества, несмотря на отрицательный свой характеръ, имѣетъ въ виду положительныя религіозныя и національныя цѣли.

Кромѣ догматическихъ разностей, католическіе Сербы имѣли, по видимому, еще то особенное отличіе отъ православныхъ, что, принадлежа къ космополитической, не народной церкви, нуждались въ доступной имъ духовной пищѣ, которой не давалъ имъ Римъ, и думали найти ее въ богомильско-патаренской ереси и ея литературѣ, перешедшей сюда изъ Болгаріи.

---

[1]) Пахомій Сербъ, Ив. Некрасова, въ Запискахъ Новороссійскаго Университета, 1871 г., томъ VI, стр. 4; см. Изученіе византійской исторіи въ древней Руси, Ф. Терновскаго, 1876 г., т. II, стр. 221 и сл.

[2]) Истор. сербск. языка, А. Майкова, стр. 245.

[3]) Описан. рукоп. Синод. библ., № 175; Истор. сербо-хорв. литерат., Ягича, стр. 200.

[4]) Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 239.

Всѣ наши источники утверждаютъ, что гнѣздомъ ереси была таже Боснія, въ которой особенно сильно развитъ былъ католицизмъ; слѣдовательно богомильско-патаренская ересь и ея апокрифическая литература служили мѣстною окраскою и характеристическимъ признакомъ сербскаго католицизма. Недаромъ, поэтому, древніе обличители богомильства считали принятіе богомильскихъ апокрифовъ за признакъ латинства, конечно, принимая латинство въ какомъ-либо строго опредѣленномъ географическомъ значеніи. Такъ напр., Аѳанасій мнихъ іерусалимскій, укоряя своего друга въ довѣріи къ богомильской ереси, говоритъ: «и се слышахомъ, твориши Христа поставлена попомъ, плугомъ и двѣмя волома оравша, послушьствуеши латинѣ» [1]). Православные Сербы, съ своей стороны, довольствуясь канонической переводной литературой, не могли равнодушно смотрѣть на сербское католичество, окрашенное мѣстнымъ богомильско-патаренскимъ колоритомъ. Уже Стефанъ Нѣманя, вѣроятно, нашедши себѣ опору въ православномъ населеніи, изъ незначительнаго удѣльнаго князя дѣлается единодержавнымъ владѣтелемъ Сербіи, «истребляетъ всѣ ереси въ державѣ своей, землѣ сербской, и насаждаетъ благочестіе», т. е., по объясненію г. Гильфердинга, истребляетъ католичество и патаренство и утверждаетъ православіе [2]). А что̀ Нѣманя сдѣлалъ для объединенія своей державы государственною властію, тоже дѣлали путемъ переводной литературы послѣдующіе за нимъ сербскіе писатели, стараясь уничтожить богомильско-патаренскую ересь и привести сербскій народъ къ единству религіознаго и національнаго сознанія. Это виднѣе будетъ изъ сопоставленія богомильско-патаренскихъ заблужденій съ па-

---

[1]) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, 1865 г., стр. 73—74.

[2]) Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, 1868 г., т. II, стр. 199—200.

раллельными имъ переводными и оригинальными произведеніями православныхъ сербскихъ писателей.

Богомильско-патаренская ересь была продолженіемъ и видоизмѣненіемъ ереси армянскихъ павликіанъ дуалистическаго характера. Богомилы признавали два равносильныя начала, управляющія міромъ, доброе и злое. Добрый Богъ, по ихъ представленію, сотворилъ невидимый духовный міръ и между прочимъ отпадшаго демона. Послѣдній, будучи свергнутъ съ неба за свои гордыя покушенія, сохранилъ силу творчества, сотворилъ землю и всю видимую природу и наконецъ тѣло человѣка, смѣшавши землю съ водою; но онъ не могъ оживотворить человѣка и просилъ Бога вдохнуть въ него душу, обѣщая, что живой человѣкъ будетъ принадлежать имъ обоимъ. Но впослѣдствіи Сатаніилъ всегда стремился завладѣть большимъ количествомъ людей. Онъ далъ законъ Моисею, говорилъ чрезъ пророковъ, и люди безраздѣльно были въ его власти во всемъ ветхомъ завѣтѣ. Родъ человѣческій спасенъ былъ отъ власти діавола І. Христомъ, который побѣдилъ Сатаніила, заключилъ его въ безднахъ ада и назвалъ Сатаной. Какъ порожденіе злаго духа, богомилы отрицали ветхій завѣтъ, за исключеніемъ развѣ псалтири и пророковъ, но принимали четыре евангелія и апостолъ съ апокалипсисомъ. При этомъ они толковали св. Писаніе по своему, аллегорически, приспособляя толкованіе къ своему ученію и къ исторіи своей секты и выдумывая множество самыхъ нелѣпыхъ сказокъ и бредней [1]). Къ числу этихъ сказокъ и бредней въ сербскихъ редакціяхъ относятся: слово о честномъ крестѣ, хожденіе Богородицы по мукамъ, написаніе Іисусово во іерейство, о 12-ти пятницахъ, имена ангеловъ и проч. Въ сербскихъ рукописяхъ, говоритъ

---

[1]) Очеркъ исторіи правосл. церквей болгар., сербской и румынской, Е. Голубинскаго, стр. 154 и слѣд.

г. Пыпинъ, до сихъ поръ мало собранныхъ и описанныхъ, должно заключаться много подобнаго матеріала, въ которомъ, кромѣ чужаго, были, безъ сомнѣнія, и собственно сербскія произведенія [1]). Мы съ своей стороны укажемъ на 6-ть подобныхъ произведеній, найденныхъ между сербскими рукописями, пожертвованными Кіев. Академіи архимандритомъ Антониномъ. Это 1) Вопрошеніе Іоанна Богослова къ Господу, представляющее удивительную смѣсь апокалипсической основы съ толкованіями изъ псалтири и пророковъ; 2) Слово о показаніи Господа нашего І. Христа, како отвѣщати на судѣ, перечисляющее грѣхи, въ которомъ истязаны будутъ люди на второмъ пришествіи Христовомъ; 3) Слово о седми грѣхахъ непрощеныхъ, въ родѣ хожденія Богородицы по мукамъ; 4) Вопросъ о «Отче нашъ», съ объясненіемъ молитвы Господней отъ лица Господа, и 5) молитва апостолу Павлу отъ укушенія змѣи, извѣстная и въ древне-русской письменности [2]).

Въ нравственномъ и церковно-общественномъ отношеніи ересники отвергали церковь, ея ученіе, таинства, обряды и учрежденія, считая себя только истинными христіанами, принимали одну молитву «Отче нашъ», часто молились и постились, особенно въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, учили своихъ послѣдователей не повиноваться властямъ своимъ, хулили богатыхъ, царей ненавидѣли, ругались старѣйшинамъ, укоряли боляры, мерзки Богу творили работающихъ царю и всякому рабу не велѣли работать господину своему [3]).

---

[1]) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, стр. 105—106.

[2]) Рукоп. Кіев. Акад. № 0. 8. 30.

[3]) Очеркъ истор. правосл. церкв., Голубин., стр. 151 и сл.; Обзоръ истор. славян. литер., Пыпина и Спасовича, стр. 62; Исторія серб-хорват. литер., Ягича, стр. 98 и слѣд.

Противъ лжеученія еретиковъ направлены были въ Греціи и Болгаріи спеціальныя сочиненія, какъ напр. Косьмы пресвитера, Аѳанасія іерусалимскаго, Евѳимія Зигабена и др. Онѣ не безизвѣстны были и въ Сербіи. Такъ напр., въ 1568 г. переписано было на сербскомъ языкѣ «Всеоружство богословія» Евѳимія Зигабена [1]), въ которомъ есть и повѣствованіе о богомилахъ. Но лучшимъ средствомъ для борьбы съ еретиками издревле считались, по индексу запрещенныхъ книгъ, «истинные» писатели церкви, у которыхъ нельзя найти ничего подобнаго еретическимъ баснямъ [2]). Слѣдов., въ переводахъ святоотеческихъ писаній на сербскій языкъ и нужно искать, кромѣ положительно-назидательнаго чтенія, и орудія противъ еретическихъ лжеумствованій. Мы уже знаемъ, какъ еретики разсказывали, въ дуалистическомъ смыслѣ, о происхожденіи міра и человѣка. Полное опроверженіе они могли найти себѣ въ книгѣ Бытія и правильномъ ея разумѣніи. Поэтому-то, конечно, въ Сербіи мы видимъ цѣлый рядъ списковъ и переводовъ различныхъ шестодневовъ, объясняющихъ шестидневное твореніе міра по книгѣ Бытія. Такъ напр., въ 1263 году грамматикъ Ѳеодоръ переписалъ Шестодневъ Іоанна Экзарха болгарскаго [3]). Въ 1426 году два сербскіе монаха Іаковъ и Венедиктъ перевели на св. горѣ Шестодневъ Іоанна Златоустаго [4]). Наконецъ, извѣстенъ еще сербскій отрывокъ Шестоднева, неизвѣстнаго пока автора [5]). Далѣе, по свидѣтельству Евѳимія Зигабена, богомилы признавали, кромѣ новаго завѣта, еще

---

[1]) Geschichte des Serbischen Schriftthums, Шафар., стр. 208.

[2]) Обзоръ исторіи славян. литер., Пыпина и Спасовича, стр. 64.

[3]) Geschichte des Serbischen Schriftthums, Шафар., стр. 202 и 205; сн. Описан. Синод. рукоп., № 54, стр. 10.

[4]) Тамъ же, стр. 212.

[5]) Описан. рукописей церковно-археологич. муз. при Кіев. Акад., № 28; сн. Собран. Ундольск., № 186.

псалтирь и пророковъ [1]),—и мы замѣчали уже, что сербскіе вопросы Іоанна Богослова Господу объясняютъ обстоятельства втораго пришествія Господня текстами изъ псалтири и пророковъ. И вотъ, для правильнаго пониманія текста псалтири, мы имѣемъ сербскій списокъ болгарскаго перевода толкованія на псалтирь съ именемъ Аѳанасія Александрійскаго [2]). Но особенно много встрѣчаемъ мы сербскихъ списковъ толкованій на новый завѣтъ, принимаемый еретиками и только искажаемый ими до крайности. Такъ напр., извѣстны въ сербскомъ спискѣ толкованіе на евангелія или благовѣстникъ Ѳеофилакта болгарскаго [3]), которому также могутъ принадлежать упоминаемыя Шафарикомъ объясненія евангелія, апостола по Іоанну Златоусту и посланія апостола Павла къ Евреямъ, съ болгарскимъ оттѣнкомъ въ языкѣ [4]); бесѣды Григорія Двоеслова на евангелія [5]); бесѣды Іоанна Златоустаго на посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ и Солунянамъ [6]). Въ противоядіе апокрифическому вопросу о «Отче нашъ» составлено было объясненіе молитвы Господней по Іоанну Златоусту [7]). Сербскій переводъ твореній Діонисія Ареопагита, по всей вѣроятности, имѣлъ своею цѣлію утвердить авторитетъ церкви, отвергаемый еретиками.

Наконецъ, самые патерики и аскетическія сочиненія, которыми такъ обильна древнесербская литература, несомнѣнно

---

[1]) Очеркъ исторіи православн. церквей болгарской, сербской и румынской, Е. Голубинскаго, стр. 158.

[2]) Geschichte des Serbisch. Schriftthums, Шафар., стр. 207 и 215.

[3]) Описс. рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 151, л. 460 и сл.

[4]) Истор. сербск. языка, А. Майкова, стр. 47; Geschichte des Serbisch. Schriftthums, Шафар., стр. 207.

[5]) Исторія сербо-хорват. литерат., Ягича, стр. 200.

[6]) Описан. рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 151, л. 553 и слѣд.

[7]) Истор. сербо-хорв. литер., Ягича, стр. 239.

служили въ рукахъ православныхъ оружіемъ для обличенія узкой нравственности еретиковъ. Послѣдніе отличались внѣшнимъ благочестіемъ и воздержаніемъ и, постоянно переходя съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, представляли изъ себя какъ бы странствующій монашескій орденъ, съ нехристіанскимъ догматическимъ ученіемъ [1]). Слѣдовательно, для пораженія еретиковъ и предостереженія отъ нихъ, нужно было не только обличать ихъ теоретическія заблужденія, но и раскрывать истинные признаки и характеръ монашества на основаніи патериковъ и аскетическихъ твореній. Такъ это и дѣлали православные писатели. Обличая странническую жизнь еретиковъ, Косьма Болгарскій пользуется патериками и въ одномъ мѣстѣ приводитъ изъ скитскаго патерика изреченія аввы Антонія и аммы Сигклитикіи о томъ, что монаху не слѣдуетъ выходить изъ келліи [2]). Послѣ этого, мы имѣемъ основаніе думать, что и большая часть аскетическихъ произведеній, извѣстныхъ въ древней Сербіи, служила тойже цѣли обличенія еретиковъ. По нашему мнѣнію, даже самый характеръ сербскаго иночества, какимъ оно является на Аѳонѣ, стоитъ въ тѣсной связи съ борьбою противъ ересей. На Аѳонъ проникали и католичество и патаренская ересь. Сюда проникали такіе отрицатели, которые хулили иконы, не признавали креста, отрицали бракъ, отрицали рукоположеніе епископовъ, т. е. проповѣдывали богомильско-патаренскія заблужденія. Эти-то отрицатели, «во св. Аѳонскую гору вшедше и на лики раздѣлшеся по всю святую гору и зѣло оскорбляху иже тамо сущіи монастыри, яко они нищи и просители». Эти отрицатели св. тайнамъ, какъ просто-

---

1) Очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, Е. Голубинскаго, стр. 162.

2) О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Кіевъ, 1875 г., стр. 186, примѣч. 3.

му хлѣбу причащался [1]). Вѣроятно, эти еретики проповѣдывали здѣсь и нравственныя свои заблужденія, отрицательнымъ образомъ воздѣйствовавшія на аѳонское иночество. Въ противоположность внѣшней праведности еретиковъ, православные аѳонскіе иноки углубились въ жизнь созерцательную, которой научилъ ихъ Григорій Синаитъ, поселившійся между ними послѣ своего подвижничества на горѣ Синайской. Онъ поучалъ ихъ пути внутренняго очищенія, которымъ великіе отцы пустынножители удостоивались небеснаго наитія, свѣтозарныхъ озареній Св. Духа. Извѣстны въ переводѣ на сербскій языкъ сочиненія Григорія Синаита о монашеской брани съ плотію и кровію, о безмолвіи, молитвѣ и проч. Рядомъ съ ними мы видимъ однородныя съ ними творенія Исаака Сирина, Симеона Новаго о молитвѣ, Никиты Стифата объ отреченіи отъ міра, и др. [2]). Къ этому ученію о созерцательной жизни и умномъ трезвеніи аѳонскихъ исихастовъ примыкаютъ почти всѣ извѣстныя въ сербскихъ переводахъ аскетическія творенія, какъ-то: Лѣствица Іоанна Синайскаго, Діоптра инока Филиппа, Воспоминаніе къ своей душѣ Петра Дамаскина и др. [3]). Вооруженные ими, аѳонскіе иноки побѣдоносно отразили закравшіяся—было на Аѳонъ раціоналистическія понятія еретиковъ [4]).

Независимо отъ полемическихъ видовъ, были у Сербовъ и такіе переводы съ греческаго языка, которые прямой своей задачей имѣли положительныя основы сербской церкви и народности. Уже самыя толкованія св. писанія и аскетическія

---

1) Пахомій Сербъ, писатель XV в., Ив. Некрасова, въ Запискахъ Новороссійскаго Университета, 1871 г., т. VI, стр. 3—4.

2) Описан. рукописей церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 151.

3) О лѣствицѣ и о Петрѣ Дамаскинѣ см. выше. О сербскомъ спискѣ Діоптры см. Gesch. des Serbisch. Schriftthums, Шаф., стр. 207; см. Опис. рукописей Толстова, I, № 7, стр. 3 и примѣч.

4) Пахомій Сербъ, Ив. Некрасова, стр. 4.

творенія, доставляя оружіе для борьбы съ еретиками, заключали въ себѣ положительную пищу для ума и сердца православныхъ. Изъ нихъ аскетическія творенія Василія Великаго [1]), Ефрема Сирина и Іоанна Лѣствичника считались руководственными твореніями для иноческаго общежитія [2]). Но въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи болѣе прямую и ощутительную пользу принесли Сербамъ такіе переводы, какъ напримѣръ 1) сочиненій церковно-каноническаго свойства, и 2) панегирическихъ и повѣствовательно-историческихъ сочиненій. Къ этимъ родамъ переводныхъ сочиненій непосредственно примыкаетъ самостоятельная или—точнѣе—подражательная сербская литература, прямо изъ нихъ выросшая, такъ что иногда въ одномъ и томъ же сборникѣ помѣщаются и переводныя и оригинальныя сербскія произведенія.

Изъ церковно-канонической литературы извѣстны въ сербскихъ переводахъ или спискахъ—нѣкоторые законы Константина, законы Юстиніана, постановленія и правила седми вселенскихъ соборовъ и отцовъ церкви, правила Іоанна Постника, Номоканонъ, Правильникъ Матѳея Властаря и др. [3]). Какъ важна эта литература для возникавшей самостоятельности сербской церкви, понятно всякому. Благодаря ей, духовное право въ Сербіи было развито въ высшей степени. «Можно съ достовѣрностью сказать,—говоритъ г. Майковъ,—что оно было развитѣе всѣхъ другихъ правъ,—и этому нечего удивляться, потому что Греція, предложившая свою вѣру Сербіи, была передъ глазами со всѣмъ сокровищемъ духовной письменности».

---

[1]) О сербскомъ спискѣ книги Василія В. о постничествѣ, 1367 г., см. XII т. Записокъ Импер. Акад. наукъ, ст. Срезневскаго.

[2]) Изученіе византійской исторіи въ древней Руси, Ф. Терновскаго, т. II, 1876 г., стр. 122.

[3]) Geschichte des Serbisch. Schriftthums, Шафар., стр. 221 и слѣд.

*

Самый даже Законникъ Душана, т. е. письменное собраніе сербскихъ законовъ и обычаевъ, вѣроятно, составленъ былъ по образцу сборниковъ византійскихъ церковно-гражданскихъ постановленій и законовъ. Извѣстно, что Правильникъ Властаря вошелъ многими своими мѣстами въ Законникъ Душана [1]).

Устроенная по нормѣ духовныхъ и гражданскихъ законовъ, жизнь сербская представляла многіе образцы церковно-религіозныхъ и гражданскихъ доблестей. Тѣ и другія дали въ свою очередь матеріалъ для повѣствовательно-исторической литературы сербской. Сохраняя въ памяти дѣянія церковныхъ и политическихъ дѣятелей своихъ, Сербы гордились ими, какъ народнымъ достояніемъ своимъ, а въ минуты бѣдствій и паденія своего отечества представляли ихъ идеалами совершенства, съ возможнымъ достиженіемъ котораго должны окончиться и народныя бѣдствія. Понятно, что въ этой повѣствовательно-исторической литературѣ нельзя искать точнаго изложенія дѣйствительныхъ фактовъ. Описывая житія своихъ дѣятелей и святыхъ и идеализируя ихъ, сербскіе писатели хотѣли приравнять ихъ къ святымъ греческой церкви и составляли свои житія по образцамъ и пріемамъ византійскимъ. А въ этихъ образцахъ не было недостатка. Съ одной стороны мы встрѣчаемъ въ Сербіи значительное число переводныхъ византійскихъ житій, отличающихся обширностью и искуственностію состава. Таковы житія: Панкратія [2]), Іоанна Златоустаго [3]), Андрея Юродиваго [4]), Григорія Омиритскаго, Василія Великаго [5]) и, можетъ быть, житіе Іоанна Милостиваго, составлен-

---

[1]) Исторія Сербскаго языка, А. Майкова, стр. 246.

[2]) См. XII т. Записокъ Акад. Наукъ, ст. Срезневскаго.

[3]) Опис. ркп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 137; см. Geschichte des Serbisch. Schriftthums, Шафар., стр. 227—8.

[4]) Gesch. des. Serbisch. Schriftthums, стр. 210; Опис. ркп. Хлуд., № 238.

[5]) Тамъ же, стр. 215 и 227.

ное Леонтіемъ Кипріяномъ Неапольскимъ [1]). Съ ними сербскія житія сближаются по широтѣ состава. Съ другой стороны, на сербскія житія несомнѣнно имѣли большое вліяніе церковно-поучительныя произведенія, какъ то слова и поученія на церковные праздники и памяти святыхъ. Онѣ обыкновенно помѣщаются въ панегирикахъ, по русски торжественникахъ, и принадлежатъ знаменитымъ отцамъ восточной церкви Аѳанасію и Кириллу Александрійскимъ, Григорію Богослову, Іоанну Златоустому, Епифанію Кипрскому, Проклу Константинопольскому, Андрею Критскому и др. [2]). Изъ этой-то, конечно, церковно-ораторской литературы составители сербскихъ житій заимствовали литературные пріемы для своего разсказа, отсюда подбирали цитаты для заимствованій, которыя и переносили нерѣдко въ свои творенія.

Такими путями составилось въ Сербіи множество житій, службъ, похвалъ и похвальныхъ словъ сербскимъ святыхъ, болѣе или менѣе панегирическаго характера и искуственнаго состава. Изъ сербскихъ писателей этого рода болѣе извѣстны: Св. Савва, написавшій житіе отца своего Стефана Нѣмани; братъ Саввы Стефанъ первовѣнчанный—житіе того же Нѣмани [3]); Доментіанъ—житія тогоже Нѣмани и Св. Саввы [4]); Даніилъ II архіепископъ сербскій—житія королей и архіепископовъ сербскихъ, дополненныя его подражателями [5]); Григорій Цамблакъ—житіе Стефана Дечанскаго и службу ему, а также извѣстіе о перенесеніи мощей Св. Параскевы Терновъ-

---

1) Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 238.

2) Перечень сербскихъ панегириковъ см. въ Geschichte des Serb. Schrift. Шафар., стр. 228 и сл.; сн. Описан. ркп. церковно-арх. муз., №№ 137 и 139.

3) Истор. сербск. языка, А. Майкова, стр. 50.

4) Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 212—213.

5) Очеркъ Исторіи правосл. церквей, Голубинскаго, стр. 505—506.

ской [1]); Георгій Грамматикъ—житіе Драгутина [2]); Константинъ Костенчскій—житіе Стефана Лазаревича; патріархъ сербскій Паисій—житіе Стефана Душана и сына его Уроша и, можетъ быть, повѣсть о св. Стефанѣ Щиляновичѣ [3]).

Житія сербскихъ святыхъ и похвалы имъ послужили источникомъ и матеріаломъ для сербскаго лѣтописанія, возникшаго еще въ XIV в. [4]). Переходною ступенью отъ житій и похвалъ къ лѣтописямъ служатъ—житіе Стефана Лазаревича, написанное Константиномъ Костенчскимъ и сборникъ митрополита Даніила II. Въ житіи Стефана Лазаревича, по словамъ г. Некрасова, «политическія обстоятельства стоятъ на первомъ планѣ. Какъ историкъ новѣйшаго времени, Константинъ Костенчскій начинаетъ свое описаніе съ очерка географическаго положенія Сербіи, ея богатствъ, и вообще говоритъ не объ одномъ Стефанѣ, а въ связи съ исторіею тѣхъ народовъ, съ которыми послѣдній входилъ въ столкновеніе. Какъ хорошій, строгій теоретикъ, онъ начинаетъ біографію вступленіемъ, раздѣленнымъ на 11 отдѣловъ, а самое жизнеописаніе подраздѣляетъ на 92 главы или краеглавизны» [5]). А сборникъ житій королей и архіепископовъ сербскихъ митрополита Даніила II послужилъ основаніемъ Цароставника или Родослова, соотвѣтствующаго нашей Степенной книгѣ [6]).

Собственно исторіографія сербская получила начало свое въ переводахъ византійскихъ историковъ; но съ теченіемъ вре-

---

[1]) Geschichte des Serbisch. Schriftthums, Шаф., стр. 243.

[2]) Очеркъ исторіи правосл. церквей болгарской, сербской и румынской, Е. Голубинскаго, стр. 510.

[3]) Тамъ же; Сн. Geschichte des Serbisch. Schriftthums, Шафар., стр. 244 и 246.

[4]) Исторія сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 227.

[5]) Пахомій Сербъ, писатель XV в., Ив. Некрасова, въ Запискахъ Новороссійск. Университета, 1871 г., т. VI, стр. 15—16.

[6]) Очеркъ Исторіи правосл. церквей, Голубинскаго, стр. 505—6.

мени къ этимъ переводамъ присоединяется, изъ указанныхъ источниковъ, отдѣлъ по сербской исторіи, постепенно расширяющійся. До сихъ поръ найдено до 25 различныхъ рукописей, заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе пространныя сербскія лѣтописи [1]). Кромѣ того, есть много сербскихъ грамотъ и историческихъ замѣтокъ на разныхъ рукописяхъ, сводъ которыхъ въ одно цѣлое значительно пополнилъ бы чувствительные пробѣлы и недостатки сербскихъ лѣтописей [2]).

Вотъ общій очеркъ исторіи древней литературы восточныхъ сербовъ! Какъ, повидимому, ни скудна она была переводными, подражательными и оригинальными произведеніями письменности, однако и она заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Не забудемъ, что сербское государство пользовалось государственною самостоятельностію около 200 лѣтъ и въ это время главнымъ образомъ занято было объединеніемъ разрозненныхъ частей своихъ и соединеніемъ въ одно цѣлое; слѣдов., въ это время Сербы не имѣли полной возможности заняться литературою. Если же и въ это короткое время они успѣли что-нибудь сдѣлать въ переводной и самостоятельной литературѣ и обнаружить попытки выразить въ ней свои духовные и общественные интересы: то нѣтъ сомнѣнія, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи они могли бы достигнуть замѣчательной степени культуры, если бы не воспрепятствовало тому турецкое иго.

Прямымъ подтвержденіемъ нашей мысли служитъ литературная исторія другой отрасли сербскаго народа, именно

---

[1]) Исторія сербо-хорват. литер., Ягича, стр. 231.

[2]) См. напр. надпись о нашествіи Баязита на Бѣлградъ и Кѣлію на рукописи Кіев. Академіи О. Л. 36. Сн. о Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, рѣчь В. Григоровича, Казань, 1859 г.

западныхъ Сербовъ—Далматинцевъ, Хорватовъ или Кроатовъ и Словинцевъ. Для насъ особенно важны первыя два племени. Хотя и они рано подчинились чужеземному игу; но тяжесть его значительно облегчалась тѣмъ, что поработители западныхъ Сербовъ принадлежали къ цивилизованнымъ народамъ, которые хотя и старались препятствовать развитію языка и народнаго сознанія Сербовъ и даже насиловать ихъ вѣру, но не могли воспрепятствовать имъ получать извѣстную долю образованія и заниматься литературою. Находясь между Итальянцами, Нѣмцами и Венграми, между православіемъ, католичествомъ и протестантствомъ, западные Сербы горячо отстаивали свой языкъ и, какъ увидимъ, стали-было вырабатывать особую церковно-религіозную форму въ видѣ нынѣшняго старокатолицизма; но при этомъ они не относились враждебно къ результатамъ западно-европейскаго образованія и литературы, а старались воспринимать ихъ и дѣлать своимъ собственнымъ достояніемъ. Умственное движеніе въ средѣ западныхъ Сербовъ особенно начинается въ XVI в., въ эпоху возрожденія классицизма и развитія реформаціи. Далматинцы, связанные историческими судьбами съ Венеціей и Италіей, знакомятся съ латино-итальянскимъ языкомъ, получаютъ образованіе въ итальянскихъ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, принимаютъ всѣ тѣ литературныя формы, какія образовались въ Италіи со временъ возрожденія, и разработываютъ эти формы на народномъ языкѣ. Хотя эта далматинская литература возрожденія съ XVII в. стала упадать, но она продолжала существовать здѣсь до настоящаго времени. Другое племя западныхъ Сербовъ—Хорваты австрійскіе, судьба коихъ связана была съ Венграми и Нѣмцами, начинаетъ обнаруживать умственное и литературное движеніе тоже въ XVI в., когда стала къ нимъ проникать реформація, и заниматься національными вопросами. Эта національная литература, явив-

шаяся подъ вліяніемъ реформаціи, хотя и подавляема была латинскою реакціей и нѣмецкой централизаціей, но продолжала существовать до настоящаго вѣка и въ послѣднее время выразилась въ такъ называемомъ иллирійскомъ панславитскомъ возрожденіи, средоточіемъ коего сталъ Загребъ.

II.

Лучшей рекомендаціей сербскаго просвѣщенія и литературы служитъ то, что кругъ дѣйствій ихъ не ограничивался только ея родиной, а захватилъ собою и другія славянскія племена; слѣдов., они имѣли если не общечеловѣческое, то, по крайней мѣрѣ, общеславянское значеніе.

Въ числѣ другихъ славянскихъ племенъ, воспользовались плодами сербской образованности и русскіе. Какъ восточные Сербы, такъ западные одинаково оказывали Россіи посильную помощь, хотя и въ разное время.

Извѣстно, что русскую исторію и въ частности исторію русской литературы обыкновенно раздѣляютъ на два періода: древній до-Петровскій, когда Россія чуждалась запада Европы и пользовалась только плодами византійской и юго-славянской письменности, и новый періодъ съ Петра I, вдвинувшаго Россію въ семью западно-европейскихъ державъ и познакомившаго ее съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ. Съ своей стороны, мы не можемъ рѣшиться на такое точное распредѣленіе двухъ періодовъ, такъ какъ западно-европейская наука извѣста была на югѣ Россіи еще до Петра I. То правда, что древняя Русь колебалась между двумя вліяніями — византійскимъ и западно-европейскимъ; но исключительное господство византійскаго вліянія продолжалось по XVI вѣкъ, а съ XVII в. Россія стала въ значительной мѣрѣ воспринимать и западно-европейскую науку и литературу.

Такъ какъ сербское племя раздѣлено было между востокомъ и западомъ, между Византіей и западно-европейскими народами; то понятно, что вліяніе Сербовъ на русскую литературу могло имѣть особенную силу въ древней Руси, по XVI вѣкъ, тогда какъ западные Сербы должны были оказывать свое вліяніе на Россію тогда, когда она почувствовала нужду въ западномъ образованіи, т. е. съ XVII вѣка. Такому порядку вліяній соотвѣтствовалъ и самый ходъ развитія и упадка разныхъ сербскихъ племенъ. Въ XIV и XV вв. восточные Сербы покончили свое самостоятельное существованіе и почти прекратили свою литературную производительность, тогда какъ, на смѣну ихъ, съ XVI вѣка выступаютъ на поприще науки и литературы Сербы западные.

Такимъ образомъ, прежде всего явилось въ исторіи русской литературы вліяніе восточныхъ Сербовъ. Оно проникало сюда различными путями, но особенно черезъ Аѳонъ, получившій съ XIV в. сильную сербскую окраску. Часто русскіе сами бывали на Аѳонѣ и отсюда приносили въ Россію сербскія рукописи. Такъ напр. извѣстно, что русскій списокъ Тактикона Никона черногорца 1397 г. сдѣланъ съ сербскаго аѳонскаго списка, принесеннаго въ Россію игуменомъ Иларіономъ [1]). Въ XV в. Савва Вишерскій былъ на Аѳонѣ и вывезъ оттуда книги [2]). Арсеній Сухановъ, отправлявшійся на востокъ за греческими и славянскими рукописями для исправленія богослужебныхъ книгъ русской церкви, въ числѣ ихъ привезъ съ Аѳона и сербскія рукописи [3]). Вѣроятно, кѣмъ нибудь изъ русскихъ занесены въ кіево-печерскую лавру «чудеса Пресв. Богородицы» въ переводѣ серба Самуила Бака-

---

[1]) Опис. рукоп. Толстова, № 312, стр. 701; Сн. Шафарика, стр. 211.
[2]) Пахомій сербъ, Ив. Некрасова, стр. 18—19.
[3]) Geschichte des Serbisch. Schriftthums, Шафар., стр. 202.

чича [1]). Другіе изъ русскихъ людей отправлялись на Аѳонъ для изученія монашеской жизни и пустынныхъ подвиговъ и прилагали полученныя здѣсь свѣдѣнія въ устройству русскихъ монастырей и книжному дѣлу въ Россіи. Такъ напр. были на Аѳонѣ—Діонисій, Арсеній Коневскій, Сергій Обнорскій, Иннокентій Охлѣбинъ [2]), Нилъ Сорскій, считающійся основателемъ скитскаго житія въ Россіи [3]), Іоаннъ Вишенскій и др. Наконецъ, и сами Сербы часто приходили въ Россію на время или на постоянное житье и приносили съ собою сербскія книги. Такъ напр. митрополитъ Кипріанъ вывезъ съ собой изъ Болгаріи и Сербіи въ Россію много рукописей [4]). Въ 1517 году прибылъ съ Аѳона къ великому князю Василію Ивановичу за милостынею монахъ Исаія и поднесъ ему Доментіаново житіе св. Саввы сербскаго [5]). Въ 1654 году пріѣхалъ въ Россію сербскій патріархъ Гавріилъ Раичь и въ поклонъ царю и патріарху Никону привезъ съ собой: «письменныя книги Типикъ и сборникъ патріарха цареградскаго Михаила Кавасилы на латинскую ересь и житіе и повѣсти сербскихъ царей и патріарховъ, да еще три книги—свитокъ житія всѣхъ святыхъ сербскихъ, откуда изыдетъ царствіе и патріаршество, тетради Кирилла философа и учителя славянскаго и книгу Василія Великаго съ тремя напечатанными литургіями» [6]).

Такими путями перешла въ Россію значительная часть литературнаго достоянія восточныхъ Сербовъ. Въ эпоху край-

---

[1]) Славян. рукоп. Кіево-Печер. лавры, №№ 190 и 234; см. Geschichte des Serbisch. Schrifthums, Шафар., стр. 211.

[2]) Пахомій сербъ, Ив. Некрасова, въ Записк. Новоросс. Универс., 1871 г., т. VI, стр. 18—19.

[3]) Исторія русской словесности, Галахова, т. I, § и стр. 98.

[4]) Тамъ же, т. I, § 83, стр. 77.

[5]) Описан. рукоп. Толстова, II, № 233, стр. 384.

[6]) Сношенія съ Востокомъ, Муравьева, III, стр. 740.

ней самозамкнутости Россіи, съ паденіемъ Болгаріи и Византіи, сербская литература имѣла въ свое время оживительное дѣйствіе на русскую. Нужно, кромѣ того, замѣтить, что Россія, постепенно освобождавшаяся отъ татарскаго ига и укрѣплявшаяся соединеніемъ удѣловъ въ одно цѣлое, представляла большую параллель съ Сербіей XII—XIV в., когда послѣдняя, начиная со Стефана Нѣмани и кончая Стефаномъ Душаномъ, стремилась къ политическому объединенію и могуществу, самостоятельности въ церковномъ отношеніи и внутреннему благоустройству. И какъ въ Сербіи всѣ главныя отрасли литературы направлены были къ религіозному и политическому единству, ея политической и церковной самостоятельности и прославленію замѣчательныхъ въ церковно-политическомъ отношеніи людей; такъ точно это было и въ Россіи съ литературой сербской или возникшей подъ ея вліяніемъ. Особенную услугу въ этомъ отношеніи оказали Россіи живые литературные дѣятели, воспитавшіеся въ Сербіи или подъ сербскимъ вліяніемъ. Сюда относятся, во первыхъ, сербскіе дѣятели, посвятившіе труды свои Россіи, какъ то—митрополитъ Кипріанъ, Пахомій Логоѳетъ, черноризецъ Аникита, Левъ филологъ; во вторыхъ, русскіе люди, или получившіе религіозное воспитаніе на Аѳонѣ, какъ то Нилъ Сорскій, Іоаннъ Вишенскій и др., или воспитывавшіеся на образцахъ сербской литературы и пользовавшіеся ими въ интересахъ Россіи, какъ напр. Захарія Копыстенскій.

Во главѣ сербскихъ дѣятелей науки и литературы, трудившихся на пользу Россіи, стоитъ митрополитъ Кипріанъ, совмѣстившій въ себѣ разнообразныя стремленія учено-литературная дѣятельность котораго служила какъ бы точкою отправленія для дальнѣйшаго развитія древнерусской литературы, образовавшейся подъ вліяніемъ восточныхъ Сербовъ. Онъ былъ младшимъ преемникомъ дѣятельности св. Саввы сербскаго,

перенесши ее на Россію. Какъ и св. Савва въ Сербіи, митрополитъ Кипріанъ является въ Россіи установителемъ церковныхъ каноновъ и монастырскаго благочинія, составителемъ житій и похвалъ отечественнымъ русскимъ святымъ и историческихъ сочиненій и объединителемъ русской церкви и государства. Извѣстны его посланія касательно богослуженія и благочинія, особенно его посланіе къ игумену Аѳанасію. Какъ строгій аскетъ, получившій монашеское воспитаніе на Аѳонѣ, Кипріанъ находилъ владѣніе селами и деревнями несовмѣстнымъ съ обѣтомъ иночества и тѣмъ началъ знаменитый въ древней Россіи вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Но особенно важны въ литературно-историческомъ отношеніи историческіе труды Кипріана. Къ нимъ причисляются Степенная книга, излагающая русскую исторію по родословному порядку или по степенямъ рода великихъ князей, лѣтопись русская отъ начала земли русскія вся по ряду и нѣсколько житій отечественныхъ русскихъ святыхъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ житіе св. Петра митрополита московскаго. Степенная книга, насколько мы можемъ судить о ней по позднѣйшимъ редакціямъ, очевидно, составлена по идеѣ сербскаго Цароставника или Родослова, написаннаго сербскимъ митрополитомъ Даніиломъ II и его продолжателями, отличается такимъ же почти панегирическимъ, искуственнымъ тономъ и имѣетъ въ виду прославленіе Россіи и ея важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей. Слѣдов., при составленіи ея, Кипріанъ имѣлъ въ виду цѣль патріотическую—возвеличеніе Россіи, Эта цѣль довольно ясно проглядываетъ въ другомъ историческомъ сочиненіи Кипріана—житіи св. Петра митрополита московскаго. При своемъ панегирическомъ характерѣ и искуственной формѣ, оно имѣетъ въ виду практическія цѣли—объединеніе русской митрополіи и сосредоточеніе ея въ государственномъ центрѣ Россіи. Въ житіи этомъ встрѣчается извѣ-

стная мысль о великомъ значеніи Москвы для Россіи, какъ города, въ которомъ занималась заря спасенія славянъ отъ татаръ [1]).

Послѣдующіе сербскіе писатели или воспитанники Сербовъ, трудившіеся для Россіи, главнымъ образомъ занимались русской агіобіографіей. Они составляли житія святыхъ и похвалы имъ въ духѣ и направленіи Кипріана. Вызванный имъ въ Россію Григорій Цамблакъ написалъ до 25 произведеній и въ томъ числѣ болѣе 10-ти похвальныхъ словъ и поученій на праздники святыхъ [2]). А подъ вліяніемъ его словъ и поученій и вообще этого рода церковно-ораторской литературы въ значительной мѣрѣ выработался у насъ, какъ это было и въ Сербіи, искусственный агіобіографическій стиль. Дѣйствіе этихъ похвальныхъ словъ, переплетающихъ ораторское прославленіе святаго съ чертами его біографіи, измѣнило характеръ фактическаго изложенія въ нашихъ житіяхъ, приближая его къ мысли и тону церковно-ораторской рѣчи. Для большинства новыхъ житій преданіе перестаетъ быть не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ. Въ тоже время начинаютъ переработываться прежде написанныя житія. Развивается особый литературный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго составляются новыя житія и новыя редакціи старыхъ, найденныхъ неудовлетворительными. Съ этого времени въ житіяхъ получаютъ господство искусственные литературные пріемы, устанавливаются сложныя правила и условія; сказаніе о святыхъ уже не ограничивается простой исторической задачей

---

[1]) О митрополитѣ Кипріанѣ см. Прибавл. къ Творен. св. Отецъ, 1848 г., кн. 2; сн. Ключевскаго въ Православн. Обозр., августъ, 1870 г., стр. 185—6; Ив. Некрасова, Пахомій сербъ, стр. 11.

[2]) О Григоріѣ Цамблакѣ см. изслѣдованіе Макарія въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ, т. VI.

сохранить о немъ память въ потомствѣ, но ставитъ на первомъ планѣ другія цѣли [1]).

Какъ ни жестко отзываются иногда объ этой житейной литературѣ русской, явившейся подъ вліяніемъ сербскимъ, обвиняя ее въ реторической необузданноглаголивости [2]), но и она имѣла въ свое время немаловажное значеніе въ Россіи, почему и пользовалась здѣсь большимъ уваженіемъ. Уже самый панегирическій характеръ этихъ житій обнаруживаетъ въ составителяхъ ихъ патріотическія стремленія; искуственная же форма изложенія ихъ сглаживала бытовыя особенности въ прежнихъ русскихъ житіяхъ и объединяла русское народное религіозное міровоззрѣніе. Прежняя безъискуственная русская агіобіографія, возникавшая въ разныхъ удѣльныхъ частяхъ Россіи, порой нечужда была удѣльной исключительности и даже нетерпимости; составители прежнихъ русскихъ житій иногда недружелюбно отзывались о другихъ областяхъ Россіи [3]). Эту областную исключительность отчасти замѣчаютъ и въ искуственныхъ житіяхъ сербской школы. Таковы житія, составленныя Епифаніемъ премудрымъ, можетъ быть, бывшимъ на Аѳонѣ, и Пахоміемъ Сербомъ. Но исключительность эта замѣчается у нихъ въ незначительной степени. Напротивъ даже, у Епифанія и Пахомія Серба замѣтно пробивается общерусская религіозная точка зрѣнія, соотвѣтствующая тогдашнему положенію Россіи, постепенно объединявшейся. Епифаній пишетъ житіе преп. Сергія, одного изъ важнѣйшихъ споспѣшниковъ объединенія русской земли, и житіе св. Стефана Пермскаго,

---

1) Образцовые писатели русскихъ житій въ XV в., Ключевскаго, въ Правосл. Обозр., 1870 г., августъ, стр. 179—181, и его же особое изслѣдованіе: „Древнерусскія житія, какъ историческій матеріалъ“.

2) Очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, Е. Голубинскаго, 1871 г., стр. 610.

3) Лѣтописи русской литературы, 1863 г., кн. III, стат. проф. Буслаева.

соединившаго Пермскую землю съ русскою религіозными узами, Пахомій Сербъ одинаково пишетъ и передѣлываетъ житія и новгородскихъ и московскихъ святыхъ: съ одной стороны повѣсть о знаменіи Богородицы въ Новгородѣ и житія Саввы Вишерскаго, Варлаама Хутынскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и Новгородскихъ архіепископовъ—Іоанна, Моисея и Евѳимія; съ другой стороны—житія св. Алексія митрополита московскаго, Сергія и Никона Радонежскихъ и др. Да и въ самыхъ житіяхъ новгородскихъ святыхъ Пахомій нерѣдко проводитъ мысль о единеніи русской земли подъ московскимъ владычествомъ. Такъ, въ житіи Іоанна новгородскаго онъ говоритъ между прочимъ: «молися святѣи троицы о великодержавномъ иже въ рустіи земли скипетръ царства держащу и о благородномъ сѣмени его и о држави его и о пребываніи и о здравіи». Въ словѣ о путешествіи Іоанна новгородскаго въ Іерусалимъ Пахомій обличаетъ попытку новгородцевъ передаться литовскому князю и отстать отъ Москвы. «Князя бойтеся еже о благочестіи православнаго яко Бога,—говоритъ онъ,—за иновѣрнаго же и нечестиваго не предавайтеся и любовь имѣйте между собою» [1]). Тѣмъ болѣе мысль о единеніи русской земли проглядываетъ у Пахомія въ житіяхъ московскихъ святыхъ. Въ передѣлкѣ житія преп. Сергія Пахомій сглаживаетъ и оставляетъ безъ объясненія переданный Епифаніемъ разсказъ о переселеніи Сергіева отца изъ Ростова вслѣдствіе московскихъ насилій [2]).

Такимъ образомъ, и на русской почвѣ сербская агіобіографія преслѣдуетъ тѣже объединительныя цѣли, какія она

---

[1]) Пахомій Сербъ, Ив. Некрасова, въ Записк. Новоросс. Универс. 1871 г., т. VI, стр. 57—58.

[2]) Образцовые писатели русскихъ житій въ XV в., Ключевскаго, въ Правосл. Обозр., 1870 г., сентябрь, стр. 344.

имѣла на своей родинѣ, и содѣйствуетъ религіозному и политическому объединенію Россіи, сглаживая прежнія областныя особенности въ житіяхъ русскихъ святыхъ и представляя ихъ сынами одной русской православной церкви. Въ этомъ отношеніи древнерусскія искуственныя житія и похвалы, писанныя Сербами или подъ сербскимъ вліяніемъ, служатъ самымъ естественнымъ приготовленіемъ къ появленію Макарьевскихъ Четь-Миней, представляющихъ собою громадную энциклопедію всѣхъ знаній объединенной уже древней Россіи [1]).

Изъ туземныхъ русскихъ писателей, воспитывавшихся подъ сербскимъ вліяніемъ или пользовавшихся сербскою литературою въ интересахъ Россіи и своихъ личныхъ, кромѣ Епифанія, извѣстны: Іосифъ Волоцкій, защищавшій свою обитель отъ обидъ Волоцкаго князя Ѳеодора Борисовича примѣрами изъ агіобіографической сербской литературы, Іоаннъ Грозный, указывавшій на исторію Сербовъ и Болгаръ, какъ на урокъ для Россіи, и особенно Нилъ Сорскій и Захарія Копыстенскій, пользовавшіеся сербской литературой для интересовъ русской церкви. Первый изъ нихъ дѣйствовалъ на сѣверѣ Россіи, а второй—на югѣ ея.

Нилъ Сорскій былъ продолжателемъ той стороны церковно-общественной дѣятельности митрополита Кипріана, которая касалась церковнаго и монашескаго благочинія. Въ 1490 году онъ присутствовалъ на соборѣ противъ жидовствующихъ, принимавшихъ такія еретическія мнѣнія, которыя небезъизвѣстны были и на Аѳонѣ, и которыя, по мнѣнію г. Некрасова, могли явиться въ Россіи подъ аѳонскимъ вліяніемъ [2]). Но особенно Нилъ Сорскій извѣстенъ по знаменитому вопросу о

[1]) Изученіе визант. исторіи въ древней Руси Ф. Терновскаго, т. II, 1876 г., стр. 152 и 175.

[2]) Пахомій Сербъ, Ив. Некрасова, стр. 4.

монастырскихъ имуществахъ въ Россіи. Мы уже видѣли, что еще митрополитъ Кипріанъ находилъ владѣніе селами и деревнями несовмѣстнымъ съ обѣтомъ иночества. Мысль эта не пропала безслѣдно и проводилась еще въ XIV в., можетъ быть, подъ вліяніемъ переводной сербско-аѳонской литературы. По крайней мѣрѣ, въ спискѣ XIV в. сохранилось слово о томъ, «угодно ли Богу, чтобы монастырямъ дарили села», взятое изъ Пандектъ Никона Черногорца [1]), извѣстныхъ и въ сербско-аѳонскомъ переводѣ [2]). Ревностнымъ поборникомъ этого вопроса и явился Нилъ Сорскій, получившій монашеское воспитаніе на Аѳонѣ. Здѣсь онъ изучалъ творенія Григорія Синаита, равно какъ и другихъ подвижниковъ—Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Симеона новаго богослова, Петра Дамаскина и др., доселѣ сохранившіяся въ сербскихъ редакціяхъ. Возвратясь въ отечество, онъ удалился на р. Сору, въ 15-ти верстахъ отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и учредилъ обитель на особыхъ правилахъ, по примѣру аѳонскихъ скитовъ, почему и считается основателемъ скитскаго житія въ Россіи. Въ 1503 году Нилъ Сорскій былъ на соборѣ о вдовыхъ священникахъ и дьяконахъ и предложилъ здѣсь, чтобы монастыри не имѣли селъ и чтобы иноки жили въ пустыняхъ и кормились трудами рукъ своихъ. Мнѣніе Сорскаго раздѣлялъ и отстаивалъ послѣ его смерти инокъ князь Вассіанъ Косой, въ мірѣ Иванъ Патрикѣевъ, пользовавшійся въ полемикѣ противъ защитниковъ монастырскихъ имуществъ почти исключительно сочиненіями Никона Черногорца [3]). Въ свое время мнѣніе Сорскаго и Патрикѣева не имѣло успѣха и было

---

[1]) О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога, Кіевъ 1875 г., стр. 220.

[2]) Описан. рукоп. Толстова, II, № 312, стр, 701.

[3]) Истор. русской словесности, Галахова, т. I, § и стр. 98, т. II, § 50, стр. 404 и слѣд.; Православн. Собесѣдникъ, 1863 г., №№ 9 и 10.

отвергнуто, но вопросъ о монастырскихъ имуществахъ не заглохъ окончательно и получилъ практическое рѣшеніе въ XVIII и даже въ настоящемъ вѣкѣ.

Съ другими цѣлями пользовались сербской литературой на югѣ Россіи. Здѣсь шла упорная борьба русскаго православія съ польскимъ католицизмомъ. Польско-католики старались увѣрить южно-русскихъ православныхъ, что многіе изъ ихъ первосвятителей были послушными Риму, что русскіе тогда только благоденствовали и сіяли добродѣтелями, когда имѣли такихъ архипастырей, и что съ прекращеніемъ у православныхъ связей съ Римомъ, они не имѣли и святыхъ людей. Все это сводилось къ тому общему заключенію, что безъ Рима нѣтъ спасенія южно-русскимъ православнымъ ни въ сей жизни, ни въ будущей. Въ свою очередь, обреченные на погибель южно-русскіе православные отвѣчали польско-католикамъ, что внѣшнее благосостояніе извѣстной церкви не служитъ признакомъ ея истинности [1]), что русскіе архипастыри, за немногими исключеніями, не находились въ подчиненіи Риму, и что съ прекращеніемъ связей съ Римомъ не прекращались дѣйствія благодати Божіей въ восточной церкви. Доказательства тому, между прочимъ, почерпались и изъ сербской церковной исторіи. Захарія Копыстенскій, доказывая постоянную вѣрность восточныхъ православныхъ византійскому, а не римскому престолу, старался пояснить, что во время занятія Константинополя крестоносцами православные не обращались къ латинствующему константинопольскому патріарху. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ примѣръ св. Саввы Сербскаго, который миновалъ на своемъ пути изъ Іерусалима латинствующій Константинополь. Когда онъ посвященъ былъ на архіепископ-

[1]) Труды Кіев. дух. Акад., апрѣль, 1872 г.

ство сербское православнымъ константинопольскимъ патріархомъ Германомъ, то къ нему «подъ той часъ и росси, якъ до святого и чудотворнаго архіепископа, могли лацно приходити и по желанію сердца своего благословеніе отъ него одержовати» [1]). Доказывая присутствіе святыхъ людей православной церкви, независимой отъ Рима, Захарія опять ссылается на церковь сербскую. «Въ Сербіи,—говоритъ онъ,—вѣри нашеи святыхъ Божіихъ тѣла въ цѣлости чудотворячии и до нинѣ пребываютъ»,—и затѣмъ перечисляетъ всѣ извѣстныя ему святыя мощи, обрѣтавшіяся въ Сербіи [2]).

Въ XVII вѣкѣ вліяніе восточныхъ Сербовъ на русскую литературу замѣтно слабѣетъ и даже прекращается; но за то западные Сербы начинаютъ обнаруживать теперь свое вліяніе на Россію. Вліяніе это шло двумя путями: съ одной стороны южнорусскіе ученые, знакомясь съ западно-европейскою богословскою наукою и литературою, наталкивались и на труды западныхъ Сербовъ и переводили ихъ на свой языкъ; съ другой стороны сами западные Сербы, узнавъ о постепенно возраставшемъ могуществѣ Россіи, видѣли въ ней залогъ освобожденія всѣхъ славянъ отъ чужеземнаго ига и предлагали ей свою просвѣщенную помощь. Въ XVII вѣкѣ изъ западно-сербскихъ писателей становятся извѣстными Россіи: Маркъ-Антоній De-Dominis и священникъ Юрій Крыжаничъ Якваница.

Маркъ-Антоній De-Dominis родился въ XVI вѣкѣ, въ Венеціанской республикѣ [3]). Такъ какъ впослѣдствіи одинъ изъ

---

[1]) Изученіе византійской исторіи въ древней Руси, Ф. Терновскаго, т. II, 1876 г., стр. 218.

[2]) Тамъ же, стр. 256 и слѣд.

[3]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, 1875 г., № 21.

представителей этой фамиліи Иванъ De-Dominis былъ однимъ изъ важныхъ членовъ чисто-славянскаго «Иллирскаго Общества» или Иллирской конгрегаціи св. Іеронима [1]); то нѣтъ сомнѣнія, что и Маркъ Антоній De-Dominis былъ родомъ славянинъ [2]). Онъ воспитывался у іезуитовъ и въ Веронѣ, преподавалъ математику въ Падуѣ, исполнялъ порученія іезуитовъ, Венеціанской республики и папскаго двора, который пользовался его услугами въ сношеніяхъ «съ цезаремъ и арцикняжатами». За важныя услуги онъ скоро сдѣланъ былъ Сеньскимъ епископомъ, т. е. епископомъ города Сеньи, бывшаго центромъ сербскихъ ускоковъ и употреблявшаго въ богослуженіи славянскую глаголицу, а затѣмъ назначенъ былъ архіепископомъ Сплѣтскимъ или Салонитанскимъ надъ далматинскими Словинцами и Хорватами. Подъ вліяніемъ ли возрожденія классицизма, заставлявшаго и въ церковной области обращаться къ древнимъ отцамъ церкви, или вслѣдствіе знакомства съ православными преданіями далматинскихъ Сербовъ, а можетъ быть и не безъ участія вліянія реформаціи, Маркъ Антоній De-Dominis убѣдился въ несостоятельности римской науки и неприложимости ея къ жизни, а потому и обратился къ изученію древнихъ отцовъ церкви. Результатомъ изученія древнихъ отцовъ и древнихъ каноновъ было то, что Маркъ Антоній De-Dominis окончательно убѣдился въ отступленіяхъ

---

[1]) Юрій Крыжаничъ, Безсонова, въ Правосл. Обозрѣніи 1870 г., апрѣль стр. 711.

[2]) Насъ не должна соблазнять его неславянская фамилія. Извѣстно, что западные славяне имѣли иногда по двѣ фамиліи—славянскую и итальянскую или нѣмецкую, напр. Риттеръ или Витезовичъ, Gaudencio или Радовчичъ, Dolci или Сладичъ, De-Albis или Жораничъ. Такъ и Маркъ Антоній De-Dominis могъ имѣть другую славянскую фамилію, напр. Дудичъ. По крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что во второй половинѣ XVI вѣка нѣкто епископъ Дудичъ перешелъ къ протестантамъ (Geschichte der südslavischen Literatur, Шафарика т. II, стр. 274).

римской церкви отъ ученія и практики древней вселенской церкви. По индексу запрещенныхъ папскимъ престоломъ книгъ, Маркъ Антоній De-Dominis написалъ слѣдующія сочиненія: 1) Consilium suae profectionis; 2) Epistola ad episcopos ecclesiae Christianae scripta; 3) Praefatio et dedicatoria ad historiam concilii Tridentini, Petri suavis; 4) Manifesto per la sua partita d' Italia; 5) Predita fatta la prima Domenica dello avvento; 6) Opus de republica christiana; 7) Idem; 8) De republica ecclesiastica libri decem. Какъ славянскій уроженецъ Венеціанской республики и католическій архипастырь далматинскихъ Сербовъ, Маркъ Антоній De-Dominis, конечно, зналъ славянскій языкъ, но писалъ свои сочиненія на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ въ силу существовавшаго тогда обычая писать на этихъ языкахъ ученыя сочиненія. За свои сочиненія Маркъ Антоній De-Dominis подвергся гоненію и долженъ былъ оставить свою родину, написавъ помянутое выше посланіе къ епископамъ христіанской церкви, съ изложеніемъ причинъ своего удаленія съ престола [1]).

Сочиненія Марка Антонія De-Dominis не остались безъизвѣстными и для южно-русской церкви. Послѣдняя въ борьбѣ съ католицизмомъ пользовалась всевозможными доступными для нея сочиненіями противъ папства. Доказательствомъ тому служитъ Апокрисисъ Христофора Филалета, который пользовался въ своемъ сочиненіи, кромѣ древнихъ отцовъ церкви, и сочиненіями такихъ лицъ, которыя принадлежали къ такъ называемому послѣднему періоду средневѣковой литературы и были представителями новаго, болѣе просвѣщеннаго реформатскаго направленія въ католической церкви, богословскій

---

[1]) Описаніе рукописей церковно-археол. муз. при Кіев. Академіи, № 112; Кіев. Епарх. Вѣдом., 1875 г., № 21.

наукѣ и литературѣ [1]). Пригоднымъ орудіемъ противъ папы оказались и сочиненія Марка Антонія De-Domínis и переводимы были въ XVII вѣкѣ на южнорусскій языкъ. Но крайней мѣрѣ мы имѣемъ западно-русскій XVII вѣка переводъ его «посланія къ епископамъ христіанской церкви», въ которомъ онъ убѣждаетъ ихъ стоять на стражѣ чистоты вѣры и церкви, противиться римскимъ нововведеніямъ и заботиться объ уніи церквей на широкихъ основаніяхъ [2]).

Такіе же виды на единеніе церквей имѣлъ другой извѣстный Россіи западно-сербскій писатель XVII вѣка Юрій Крыжаничъ Якваница; но у него уже національно-политическій интересъ беретъ верхъ надъ церковно-религіознымъ.

Крыжаничъ родился 1617 г. въ Загребской жупаніи, на далматинской границѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ, вѣроятно, въ Загребской іезуитской коллегіи; потомъ воспитывался въ Вѣнской хорватской семинаріи и въ Болонской угро-хорватской коллегіи и завершилъ свое образованіе въ Римѣ. Здѣсь онъ занимался исправленіемъ бѣднаго, неразвитаго и испорченнаго славянскаго языка и мечталъ о соединеніи разрозненныхъ въ религіозномъ отношеніи славянъ въ одно цѣлое и о примиреніи вѣроисповѣдныхъ разностей ихъ въ такой церковно-религіозной формѣ, которая бы не была собственно ни византійскою, ни римскою, а славянскою, т. е. въ формѣ уніи. Но Крыжаничъ не нашелъ возможности осуществить свои идеальныя стремленія въ окружавшей его средѣ, а между тѣмъ получилъ свѣдѣнія о могущественномъ государствѣ московскомъ, которое при всемъ своемъ недостаткѣ образованія, представляло важные задатки для объединенія всѣхъ сла-

---

[1]) Апокрисисъ, Кіевъ, 1870 г., предисловіе, стр. XL.

[2]) Описан. рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 112; Кіев. Епарх. Вѣдом., 1875 г. № 21.

вянъ въ политическомъ отношеніи. Случайно или намѣренно онъ является въ 1656 или 1657 г. свидѣтелемъ пріема русскаго посольства въ Венеціи, а въ 1658 году самъ представляется русскому посольству въ Вѣнѣ, проживавшему въ гостинницѣ «Золотаго Быка». Тяжелое впечатлѣніе произвели на Крыжанича эти два русскія посольства, отличавшіяся крайнею грубостію и неряшливостію. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшается идти въ Россію, чтобы принесть ей и всему славянству своимъ образованіемъ посильную помощь. Черезъ Венгрію, Львовъ и нынѣшнюю Маллороссію Крыжаничъ направился въ Москву и прибылъ сюда въ 1659 году. Надобно полагать, что рѣзкіе здѣсь отзывы Крыжанича о Россіи и ея недостаткахъ, въ связи съ его вѣроисповѣданіемъ и симпатіями къ Польшѣ, были причиною того, что въ 1661 году «Юрій Ивановъ сынъ Сербинъ» отправленъ въ Тобольскъ для бытія «у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно», съ назначеніемъ значительнаго по тому времени содержанія «по семи рублевъ съ полтиною въ мѣсяцъ». Пятнадцать лѣтъ пробылъ Крыжаничъ въ Сибири, жалуясь на то, что никто онъ него не спрашиваетъ ни услуги, ни совѣта, ни помощи, ни работы, и въ 1676 году освобожденъ былъ изъ почетной ссылки и явился въ Москву. Въ привѣтствіи на царское вѣнчаніе Ѳеодора Алексѣевича Крыжаничъ просилъ государя «отпустить его совершенно на волю къ мощамъ чудотворца Николая», т. е. на Адріатическій берегъ, къ своей родинѣ. Но, получивъ просимое, онъ не вернулся на родину. По свидѣтельству географа Николая Витзена, по освобожденіи изъ Сибири Юрій Крыжаничъ былъ польскимъ духовнымъ лицомъ и въ этомъ званіи написалъ цѣлое сочиненіе о Сибири и русскомъ востокѣ. Извѣстія о Крыжаничѣ доходятъ у Витзена до 1683 года, т. е. до 66 года жизни Крыжанича, недалеко отъ смерти...

Всѣхъ сочиненій Крыжанича насчитывается до 15-ти. Од-

ни изъ нихъ не сохранились, другія же не имѣютъ особеннаго значенія для Россіи. По собственнымъ словамъ Крыжанича, онъ намѣренъ былъ исполнить въ Россіи три работы. «Измлада еще,—говоритъ онъ,—я задумывался надъ бѣдностью, неразвитостью и порчею нашего славянскаго языка и тогда же возревновалъ о его исправленіи, чтобы онъ имѣлъ хорошій словарь и грамматику, чтобы могли мы правильно говорить и писать, чтобы было у насъ обиліе рѣченій, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей въ общенародныхъ дѣлахъ. Во вторыхъ, я увидѣлъ, что славянскій языкъ раздѣлился на шесть удѣловъ: русскій, ляшскій, чешскій, болгарскій, сербскій и хорватскій, что всѣ эти удѣлы были нѣкогда свободными и имѣли своихъ государей, и изъ этихъ шести удѣловъ одинъ только русскій живетъ самостоятельно, а остальные покорены чужими народами. Изо всѣхъ этихъ народовъ одни русскіе, Ляхи и Чехи имѣютъ частныхъ лѣтописцевъ, но до сихъ поръ нѣтъ ни одной общей исторіи нашего племени, а Нѣмцы между тѣмъ каждый годъ новыми книгами распускаютъ новыя клеветы противъ славянъ, особенно противъ русскихъ». Негодуя на это, Крыжаничъ хотѣлъ написать истинную исторію славянъ, въ которой были бы опровергнуты всѣ клеветы на славянское племя. Въ третьихъ, изъ книгъ о Руси и отъ русскихъ пословъ, живущихъ въ чужихъ странахъ, Крыжаничъ узналъ, что на Руси не были еще извѣстны и приняты многія вещи, полезныя для управленія государствомъ, и что иностранцы постоянно обманываютъ русскихъ посредствомъ своихъ хитростей. Всѣ эти хитрости и обольщенія онъ рѣшился обнаружить. Это—третья задача представлявшейся ему дѣятельности на Руси.

Для исторіи Славянъ Крижаничъ сдѣлалъ немного, составивъ только русскую лѣтопись или—точнѣе—лѣтописный сборникъ, представляющій сводъ сказаній изъ Нестора, Кромера,

Петра Петрея, Баронія, Филиппа Коминя и др. Да и эта лѣтопись, кажется, составлена Крыжаничемъ въ видахъ собственнаго его ознакомленія съ историческимъ положеніемъ интересовавшей его Россіи. Для исправленія славянскаго языка Крыжаничь составилъ грамматику, а для сообщенія Россіи полезныхъ государственныхъ знаній и избѣжанія обмана со стороны иностранцевъ написалъ разговоры о владательству, предназначавшіеся для русскаго государя. Мы остановимся только на его грамматикѣ и разговорахъ о владательству, какъ на болѣе цѣльныхъ произведеніяхъ.

Главною задачею своей грамматики Крыжаничь поставлялъ исправленіе своего отечественнаго языка, искаженнаго у разныхъ славянскихъ племенъ чужими вліяніями. Болѣе неприкосновеннымъ, по его мнѣнію, сохранился книжный русскій или церковно-славянскій языкъ, по образцу котораго Крыжаничь и хотѣлъ исправлять другія славянскія нарѣчія. Такимъ образомъ его грамматика въ значительной мѣрѣ является сравнительною грамматикою славянскихъ нарѣчій и даже претендуетъ на образованіе общаго славянскаго языка.—Нѣкоторыми грамматическими замѣчаніями Крыжанича пользовались позднѣйшіе наши грамматики—Востоковъ и Болдыревъ.

Разговоры о владательству—государственно-экономическаго и политическаго содержанія. Потеря политической самостоятельности почти всѣми южными и западными славянами заставила Крыжанича обратиться къ единственному свободному и сильному славянскому государству Россіи и склонять ее къ тому, чтобы она, ставши во главѣ славянства, взяла на себя роль искупительницы своихъ порабощенныхъ и униженныхъ собратій. Но сама Россія страдала еще многими недостатками, которые ей первоначально нужно было исправить, чтобы явиться могущественною защитницею славянъ. Уврачевать эти недостатки и старался Крыжаничь въ разсматриваемомъ нами

сочиненіи. Такимъ образомъ, въ этомъ сочиненіи Крыжанича замѣчаются двѣ главныя мысли: о внутреннемъ благоустройствѣ и силѣ Россіи и о внѣшней ея политикѣ.

Для внутренняго благоустройства Росссіи, по мнѣнію Крыжанича, нужно было, во первыхъ, улучшить экономическое и соціальное положеніе страны, во вторыхъ возвысить военную силу государства.

Богатымъ, по мнѣнію Крыжанича, считается государство, въ которомъ добывается много металловъ; но богаче то, которое обилуетъ вещми къ пристроенію тѣла и ко платью пристоящими; еще болѣе, если оно обилуетъ вещми къ ѣденію и питію пригожими; болѣе же всѣхъ богатымъ и обильнымъ нужно считать государство, гдѣ «домысливы и хитры разумы», гдѣ много хорошо устроенныхъ пристаней для судовъ и мѣстъ для торговли, особенно, когда при этомъ существуютъ еще хорошіе законы. Обращаясь къ тогдашней Россіи, Юрій Крыжаничь не видѣлъ въ ней указанныхъ условій богатства страны. Въ его время, Россія отодвинута была отъ морей и заперта со всѣхъ сторонъ. Она не добывала металловъ, не имѣла дорогихъ камней, минераловъ, красокъ, пряностей, благовоній и т. п., а главное—не имѣла вещей, крайне необходимыхъ, какъ-то: суконъ и другихъ матерій для платья, шерсти, шелку, бумаги. Земля не даетъ ни камня, ни хорошаго лѣса для построекъ, ни доброй глины для посуды. Разумъ русскаго народа тупъ и косенъ; люди неискусны ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ. Русскіе, наравнѣ съ другими славянами, по словамъ Крыжанича, вовсе не знаютъ отдаленной торговли ни по морю ни по сушѣ, и даже не учатся ариѳметикѣ. Отъ того иноземные торговцы легко насъ перехитряютъ и обманываютъ нещадно во всякое время, а больше потому, что вездѣ по Россіи живутъ и наши товары скупаютъ по дешевымъ цѣнамъ. Можно было бы это терпѣть, когда бы и наши

у нихъ жили и дешево покупали; но наши у нихъ не живутъ и никакъ не могутъ жить по своей природной неспособности и тупому разуму и въ особенности по причинѣ нѣмецкой зависти и злобы, которую многіе изъ нашихъ отвѣдали. Пути въ такой широкой державѣ долги и трудны отъ болотъ и лѣсовъ и опасны отъ Крымцевъ, Ногайцевъ, Калмыковъ и другихъ разбойничьихъ народовъ. Обилуетъ эта земля только мѣхами и коноплей и съ нѣкотораго времени золой; а медъ, воскъ, икра, пшеница, рожь, лепъ, кожи и остальные товары вывозятся отсюда не отъ изобилія ихъ, но по нуждѣ и отъ иноземныхъ обмановъ; а мы при этомъ сами лишаемся плода своей земли и терпимъ скудость. Немаловажная причина обѣднѣнія страны лежитъ и въ крутости московскаго правительства. «По причинѣ крутости здѣшняго правленія,—говоритъ Крыжаничь,—приднѣпровскіе козаки, будучи одного съ нами языка и вѣры, не хотятъ соединиться съ нами, а лучше желаютъ быть подъ властію ляховъ».—Крутовладѣніе есть причина того, что Русь такъ рѣдко населена и малолюдна, что въ ней много воровства, разбоевъ и убійствъ. Крутовладѣніе это порождало, по словамъ Крыжанича, современные ему бунты и измѣны.

Для уврачеванія этихъ язвъ, Крыжаничь предлагалъ слѣдующія мѣры. Чтобы оживить торговлю, Крыжаничь проэктируетъ царскую монополію, которая должна взять на себя привозную и вывозную торговлю, направивъ ее преимущественно на востокъ и юговостокъ, и которая одна могла бы воспрепятствовать обѣднѣнію страны.—Для улучшенія ремеслъ, по проэкту Крыжанича, нужно вызвать хорошихъ художниковъ и искусныхъ мастеровъ, распредѣлить ихъ по мѣстностямъ, судя по ихъ ремеслу и близости нужнаго матеріала, и обязать ихъ учить русскихъ своему ремеслу, а также нужно привезти изо всѣхъ земель образцы сукна, полотна, посуды и всякаго вообще рукодѣлія.—Земледѣліе Крыжаничь совѣтуетъ изучать

какъ практическимъ изслѣдованіемъ почвы и произведеній земли въ разныхъ областяхъ Россіи, такъ и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ книгъ о немъ; настаиваетъ на необходимости заводовъ, трактуетъ о разведеніи шелку, сорочинскаго пшена и особенно табаку; доказываетъ необходимость для Россіи отыскивать руды и научиться добывать земляной уголь. Но особенно Крыжаничь вооружается противъ невѣжества Россіи и жестокости управленія. Образованіе онъ считаетъ особенно необходимымъ теперь именно, «потому что Богъ возвысилъ на Руси государство славянское, какого прежде никогда не бывало въ нашемъ племени; а извѣстно, что у народовъ науки начинаютъ цвѣсти въ періодъ наибольшей силы политической». Образованіе это должно быть направлено къ народному самопознанію и очищенію необработаннаго и испорченнаго русскаго языка.—Противъ тиранніи Крыжаничь рекомендуетъ измѣненіе въ законодательствѣ и дарованіе народу нѣкоторыхъ «слободинъ», т. е. привиллегій, а противъ кривосудія и взятокъ—обезпеченіе чиновниковъ достаточнымъ жалованьемъ. Это—первая часть сочиненія Крыжанича о владательству.

Во второй части своего сочиненія онъ говоритъ о силѣ государства, разсуждаетъ о твердыняхъ природныхъ и искусственныхъ, исчисляетъ ихъ виды и указываетъ на необходимѣйшія по тогдашнему положенію Руси, разсуждаетъ объ оружіи и «строехъ военныхъ» или о составѣ войска вообще. Сравнивая русскія войска съ иностранными, Крыжаничь находитъ, что первыя во многомъ уступаютъ послѣднимъ и нуждаются въ реорганизаціи; указываетъ, какъ на большой недостатокъ, на отсутствіе у насъ военной музыки, и особенно нападаетъ на усилившійся тогда обычай поставлять военачальниковъ изъ нѣмцевъ. «Здѣсь на Руси, говоритъ онъ, дѣлается то, чего нигдѣ на свѣтѣ не было и не будетъ: нѣмцы управляютъ городами и держатъ чуть не всю власть и

начальство надъ войскомъ, а туземцы совершенно отчаеваются получить высшее мѣсто. Слѣдуетъ опасаться или даже предполагать навѣрное, какъ бы отъ этой причины не появился когда нибудь мятежъ, измѣна и кровопролитіе».

Указавъ недостатки Россіи и предложивъ проэкты къ уничтоженію ихъ и возвеличенію Россіи, Крыжаничъ по мѣстамъ обращается къ внѣшней политикѣ Россіи и указываетъ для нея отдаленную цѣль въ объединеніи славянъ. «Ты одинъ царь, говорю я, данъ намъ теперь отъ Бога,—говоритъ Крыжаничъ,—чтобы пособить и Задунайцамъ, и Ляхамъ, и Чехамъ, чтобы они начали узнавать свое угнетеніе и свой позоръ, думать о просвѣщеніи народа и сбрасывать нѣмецкое иго. Задунайскіе славяне уже давно стубили не только царство, но и всю силу, и языкъ, и разумъ, такъ что уже непонимаютъ, что́ такое честь и достоинство, и не думаютъ о нихъ, а сами себѣ помочь никакъ не въ состояніи: имъ нужна посторонняя сила, чтобы они могли снова встать на ноги и стать въ число народовъ. Если ты, царь, не можешь въ настоящее трудное время пособить имъ до полнаго поправленія ихъ силъ и не можешь привести въ первоначальный видъ и устроить эти царства; то по крайней мѣрѣ ты въ книгахъ можешь исправить и улучшить славянскій языкъ и открыть имъ умственные глаза пригодными разумными книгами, чтобы они стали сознавать честь и думать о своемъ возстаніи».

Но такъ какъ славяне принадлежали къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, восточному и западному, раздѣлявшимъ ихъ между собою; то средствомъ для ихъ примиренія Крыжаничъ считаетъ религіозную унію, на такихъ же широкихъ основаніяхъ, какія мы видѣли у Марка Антонія De-Dominis. До несправедливости рѣзко отзываясь о нѣмцахъ и грекахъ, какъ противоположныхъ крайностяхъ въ религіи и наукѣ, одинаково, впрочемъ, вредныхъ для Россіи, Крыжаничъ, повидимому,

снисходительнѣе относится къ римско-католической церкви, хотя и за ней не признаетъ абсолютной истины. Послѣднюю онъ видитъ въ національной славянской церкви, которая должна быть, по его плану, посредницею между Византіей и Римомъ. Раздоръ совершился,—говоритъ онъ,—изъ соревнованія двухъ народовъ ради верховной власти мірской и церковной, ради римскаго царства и папства. Пусть же борются тѣ, коимъ даны отъ Бога эти области, римляне,—говорю,—и греки, а намъ славянамъ онѣ не даны»... «Не будемъ бороться,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—изъ за стороннягo спора, отъ котораго не можетъ быть намъ пользы, но скорѣе подружески выслушаемъ обѣ стороны и постараемся примирить ихъ [1]).

Многіе изъ государственно-экономическихъ и политическихъ плановъ Крыжанича не остались въ Россіи непримѣнимыми. Крыжаничъ высоко цѣнилъ неограниченный образъ правленія въ Россіи. «Это—Моисеевъ жезлъ, говоритъ онъ, которымъ царь можетъ слѣдать всякія потребныя чудеса; потому что, при такомъ устройствѣ власти, легко могутъ быть исправлены всѣ ошибки и недостатки и могутъ быть упрочены всякія добрыя постановленія [2])». И вотъ, этотъ Моисеевъ жезлъ беретъ въ руки Петръ Великій и мановеніемъ его преобразовываетъ Россію по планамъ Крыжанича, съ тою только развѣ разницею, что Петръ I болѣе послѣдовательно ведетъ свои преобразованія, чѣмъ проэктировалъ ихъ кабинетный ученый Крыжаничъ, часто блуждавшій между противорѣчіями.....

---

[1]) О Крыжаничѣ см. Безсонова въ Православномъ Обозрѣніи, 1870 года; Юрій Крыжаничъ и его литературная дѣятельность, Арсенія Маркевича, въ Варшавскихъ Университ. Изв. 1876 г., №№ 1 и 2. Изъ сочиненій Крыжанича изданы: грамматика въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей, 1848 г., кн. 1, и разговоры о владательству, изд. Безсоновымъ подъ заглавіемъ „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка“.

[2]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, изд. Безсонова.

Есть даже основаніе думать, что Петру I извѣстны были самыя сочиненія Крыжанича. Такъ, Политика его, назначавшаяся авторомъ для государя, взята была къ государю Алексѣю Михайловичу на верхъ [1]), гдѣ могъ и долженъ былъ прочитать ее и любознательный Петръ Великій.

Не перечисляя столь извѣстныхъ всякому преобразованій Петра I, параллельныхъ съ проэктами Крыжанича, замѣтимъ только, что Петръ I чуть ли не впервые обратилъ серьозное вниманіе на славянскій міръ и принялъ дѣятельное участіе въ его судьбахъ. Такъ, напримѣръ, онъ хлопоталъ объ освобожденій послѣдняго сербскаго деспота Юрія Бранковича изъ австрійской темницы и имѣлъ сношенія съ Черногорцами, призывая ихъ къ войнѣ противъ Турокъ [2]). Можетъ быть, не безъ вліянія Юрія Крыжанича, Петръ I питалъ особенное расположеніе къ западнымъ славянамъ, которые стояли ближе къ западной Европѣ и ея наукѣ и могли быть самыми лучшими проводниками въ Россію преобразовательныхъ идей [3]). При немъ переведена и отпечатана была въ 1722 году «исторіографія початія имене славы и разширенія народа словенскаго», сочиненіе западнаго серба изъ Рагузы Мавро Орбини [4]).

Послѣ Петра I и почти до конца XVIII вѣка восточные и западные сербы не оказывали почти никакого вліянія на русскую науку и литературу, потому что и сами нуждались въ образованіи и нерѣдко заимствовали его у Россіи. За то это время было самымъ горячимъ временемъ политическихъ сношеній Сербовъ съ Россіею и ихъ вооруженной помощи въ

---

[1]) Юрій Крыжаничъ, Безсонова, въ Православномъ Обозрѣніи, январь 1870 года, стр. 134.

[2]) Объ этомъ сказано будетъ ниже.

[3]) Ст. Пекарскаго, въ Отечеств. Запискахъ, 1862 г., кн. II.

[4]) Geschichte der Südslavischen Literatur, Шафарика, 1865 года, т. II, стр. 23.

борьбѣ противъ ислама. Не мѣшаетъ припомнить, что турецкій вассалъ, ханъ крымскій, былъ нѣкогда безпокойнымъ сосѣдомъ Россіи на югѣ ея, и что въ концѣ XVII вѣка даже нынѣшняя Каменецъ-Подольская губернія десятки лѣтъ находилась подъ властію турецкаго султана. Слѣдовательно, Россія имѣла тѣхъ же самыхъ кровныхъ враговъ, которые угнетали и восточныхъ Сербовъ, и сходилась съ послѣдними въ глубокомъ чувствѣ оскорбленнаго достоинства и тяжкой обиды отъ враговъ Креста Господня и кровопійцъ славянскаго міра. Увидѣли Сербы, что у Россіи прибываетъ силы, какъ у былиннаго Ильи Муромца, тридцать лѣтъ сидѣвшаго сиднемъ, и стали собираться вокругъ нея для борьбы противъ змѣя—горынича, засѣвшаго дорогу къ стольному городу Кіеву и его ласковому князю Владиміру, красну солнышку. Какъ нарочно, въ pendant былинѣ, сербскіе богатыри являются на югѣ Россіи, на томъ прежде необитаемомъ пустырѣ, который отдѣлялъ Кіевъ отъ безпокойнаго Крыма, и завоевываютъ его отъ татаръ и турокъ для русской гражданственности.

Еще въ XVII вѣкѣ Сербы служили въ войскѣ малорусскихъ гетмановъ [1]), считавшихъ своимъ призваніемъ борьбу съ невѣрными. Въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій посылаетъ къ Черногорцамъ грамату съ герцеговинцемъ Милорадовичемъ [2]), а въ граматѣ той пишетъ,

Что (де) вы, славны Черногорцы вольны,
Мира съ туркомъ никогда вамъ нѣту
И что мнѣ вы можете быть въ помочь.
Своего посланника я шлю вамъ:

---

[1]) Юрій Крыжаничъ, Безсонова, въ Православномъ Обозрѣніи, декабрь, 1870 г., стр. 802—803.

[2]) Потомокъ его—извѣстный нашъ отечественный герой 1812 года.

Я надѣюсь на Вышняго Бога
И на мышцу сербскаго народа,
Особливо храбрыхъ Черногорцевъ,
Что вы точно будете мнѣ въ помочь,
Да избавимъ мы народъ христьянскій
И прославимъ славянское имя,
Да мы сломимъ ярмо агарянско,
Православные воздвигнемъ храмы,
Омоемъ мы нанесённы срамы
Отъ турка,—онъ каждому враждебенъ,
Кто не лижетъ праха стопъ турецкихъ.
Вы съ русскими единаго рода,
Одной вѣры, одного языка:
Сроднѣй того нельзя больше быть намъ,
Тѣ же русскіе и молодцы вы, и проч. [1]).

Черногорцы поднялись вмѣстѣ съ Герцеговинцами и Босняками, но на этотъ разъ не имѣли счастія: прутскій походъ Петра I былъ неудаченъ... [2]).

Слѣдствіемъ прутскаго похода было то, что въ 1712 г. начались переселенія Сербовъ въ Россію. Уже въ 1717 году образовалось изъ Сербовъ военное поселеніе при сѣверномъ Донцѣ и при рѣчкѣ Луганкѣ. Въ 1723 году уже существовалъ гусарскій полкъ, состоявшій преимущественно изъ Сербовъ. Онъ былъ усиленъ въ царствованіе Анны Іоанновны.

Въ 1748 году вступилъ въ русскую военную службу австрійско-восточный сербъ Петръ Текели, дядя извѣстнаго

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, выпускъ 8, 1870 г., стр. 265 и сл.

[2]) Тамъ же.

въ сербской литературѣ Саввы Текели. За нимъ двинулись въ Россію цѣлыя сотни тысячь австрійскихъ Сербовъ, обманутыхъ австрійскимъ правительствомъ и угнетаемыхъ въ своей вѣрѣ. Такъ, съ 1751 по 53 годъ въ южной Россіи возникли области новая Сербія и славяно-Сербія. Хорватъ, Шевичь и Прерадовичь были виновниками образованія этихъ областей. Итакъ, на степяхъ, гдѣ доселѣ подвизалась по Днѣпру русская дружина запорожцевъ, еще до провозглашенія имени Новороссіи, оглашалось уже имя Сербовъ, призванныхъ на борьбу съ татарами и турками за русскую землю. Эта новая Сербія и славяно-Сербія, предчети новой Россіи, сдѣлались разсадникомъ дѣятелей, ознаменовавшихъ себя на гражданскомъ и военномъ поприщахъ [1]). Когда возникла новая Сербія, упомянутый нами Петръ Текели избралъ Миргородъ мѣстомъ своего пребыванія. Когда настала турецкая война, онъ въ корпусѣ Панина ознаменовалъ себя подвигами при осадѣ Бендеръ. Война эта, называемая Румянцевскою, открыла блестящее поприще для Текели и его славныхъ сподвижниковъ Сербовъ. Расширяя область завоеваній въ краѣ, которому отселѣ суждено было носить названіе новой Россіи, она повела къ завоеванію Крыма и за тѣмъ Очаковской земли. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Текели и его сподвижники принимали самое рѣшительное участіе. Текели суждено было атаковать Запорожье, сдѣлавшееся анахронизмомъ при устройствѣ гражданственности въ южной Россіи. Во вторую турецкую войну при Екатеринѣ II Текели завоевалъ Кубанскую область, нынѣ землю Черноморскаго казачьяго войска [2]).

---

[1]) Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, В. Григоровича, изъ XX т. Записокъ Новоросс. Университ., 1876 г. стр. 5. Увѣщательное посланіе къ нимъ Евгенія Булгариса см. въ Душеполезномъ Чтеніи, за май, 1865 года, стр. 39—72.

[2]) Тамъ же, стр. 6—7.

Въ родственныхъ связяхъ съ Текели находились князья Рашковичи, изъ старой Сербіи, раздѣлявшіе съ Текели свои симпатіи къ Россіи. Въ 1770 году графъ Румянцевъ послалъ воззваніе въ Боснію и Герцеговину на имя Авраама Рашковича. «Благо воистинну ваше усердіе,—пишетъ онъ,—что ищете руками своими упразднить ненавистниковъ креста Господня магометанъ». Въ 1784 и 1785 годахъ Константинъ и Симеонъ Рашковичи были ходатаями предъ императрицей Екатериною II и княземъ Потемкинымъ о народѣ сербскомъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Князю Симеону Рашковичу поручено было просить императрицу, дабы, «аще нѣтъ времени нашему освобожденію, онъ могъ свободно проводити насъ съ нашими домами и фамиліями тамо у россійское царство, чтобы имати поселеніе и пропитаніе». Многіе изъ Рашковичей пали въ турецкой войнѣ, а одинъ изъ нихъ получилъ отъ Россіи участокъ земли въ завоеванной Очаковской области, но имѣлъ несчастную судьбу [1]).

Мы не будемъ говорить о заслугахъ, оказанныхъ Сербами Россіи въ мореходствѣ и торговлѣ [2]); но не можетъ умолчать, что съ конца XVIII вѣка, часть восточныхъ Сербовъ оказывала Россіи незамѣнимыя услуги въ просвѣщеніи и наукѣ. То были Сербы австрійскіе, перешедшіе въ Австрію изъ Турціи отъ тяжелыхъ притѣсненій. Какъ и турецкіе Сербы, они сохранили православную вѣру, но, поселившись въ Австріи, имѣли возможность получать высшее образованіе въ мѣстныхъ и заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. А единство вѣры и племенное родство влекло ихъ къ Россіи. Здѣсь при Екатеринѣ II, открыты были народныя училища и предположено

---

[1]) Тамъ же, стр. 9—10.

[2]) Тамъ же, стр. 13 и слѣд.

было открыть новые университеты [1]). При императорѣ Павлѣ были учреждены Дерптскій Университетъ и училище ордена св. Екатерины [2]). Наконецъ, при Александрѣ Благословенномъ, открыто было въ 1802 году министерство народнаго просвѣщенія и вновь учреждены нѣкоторые университеты. Вслѣдствіе недостатка своихъ преподавателей и профессоровъ, многіе изъ австрійскихъ Сербовъ вызываемы, были или сами являлись въ Россію для учено-педагогической дѣятельности. Такъ, напримѣръ, Ѳеодоръ Янковичъ фонъ-Миріево приглашенъ былъ при Екатеринѣ II въ Россію для устройства учебной части въ открывавшихся народныхъ училищахъ и составилъ около 10-ти учебниковъ и нѣсколько руководительныхъ наставленій [3]). Сербъ Георгій Зоричъ былъ учителемъ екатерининскаго женскаго и демидовскаго училищъ; Георгій Терлаичъ преподавалъ въ пажескомъ корпусѣ, училищѣ правовѣденія и въ Харьковскомъ университетѣ; Стойковичъ и Дудровичъ были профессорами Харьковскаго университета. Всѣ они извѣстны учеными или литературными произведеніями, составленными ими на пользу Россіи. «Руководство къ познанію частнаго гражданскаго права», Терлаича цитуется извѣстнымъ нашимъ ученымъ законовѣдомъ Неволинымъ, а Стойковичъ и Дудровичъ были профессорами нашихъ ветерановъ науки Срезневскаго, Григоровича и др. [4]). Въ послѣднее время нѣсколько

---

[1]) Исторія русской словесности, Галахова, т. I, § 207, стр. 406.

[2]) Тамъ же, § 228, стр. 538.

[3]) Geschichte des serbisch. Schriftthums, Шафар., стр. 321; православная церковь въ Австріи, М. Костича, въ Трудахъ Кіев. Д. Академіи, май, 1869 г., стр. 337; объ участіи Сербовъ въ нашихъ обществ. отношеніяхъ, В. Григоровича, стр. 16 и слѣд.

[4]) Geschichte des serbisch. Schriftthums, Шафар., 1865 г., стр. 354, 326—327 и 330—331; объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, В. Григоровича, стр. 21 и др.

западныхъ Сербовъ трудились и трудятся въ Россіи на пользу русскаго просвѣщенія и науки. Изъ нихъ укажемъ на г. Ягича, бывшаго профессоромъ Новороссійскаго университета и отсюда перешедшаго въ университетъ Берлинскій.

Итакъ, приблизительно съ XIV в. и до настоящаго времени восточные и западные Сербы поочередно оказывали и оказываютъ Россіи посильную помощь и поддержку.

III.

Съ своей стороны, Россія доставляла утѣшеніе своимъ порабощеннымъ собратьямъ Сербамъ уже однимъ политическимъ могуществомъ своимъ, когда другія славянскія государства уже пали и подчинились иноземному игу. Въ сказаніи о Цареградѣ нашъ отечественный писатель говоритъ слѣдующее о положеніи Россіи среди угнетенныхъ турецкимъ игомъ славянскихъ племенъ: «сія убо вся благочестивая царствия—греческое и сербское, басанское (боснійское) и арбаназское (арванитское или албанское) грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожніи турци попленіша, въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же россійская Божіею милостію, Пречистыя Богородицы и всѣхъ св. чудотворецъ, растетъ и молодѣетъ и возвышается, еже Христе милостивый дажъ рости и младѣти и расширятися и до скончания вѣка [1])». Этому патріотическому голосу русскаго книжника вторили какъ восточные, такъ и западные Сербы, постоянно прибѣгая къ помощи Россіи и возлагая на нее свои надежды.

---

[1]) Сказанія о Цареградѣ, В. Яковлева, Спбургъ, 1868 г., стр. 64—65.

Соотвѣтственно различнымъ возрастамъ развитія Россіи, помощь ея угнетеннымъ братьямъ славянамъ была различная. Почти до второй половины XVII вѣка, Россія не могла похвалиться ни образованіемъ, ни политическимъ могуществомъ и значеніемъ среди западно-европейскихъ державъ. Въ это время она оказывала Сербамъ почти исключительно матеріальную помощь. Но съ половины XVII в. дѣла принимаютъ другой оборотъ. Россія становится въ ряду западно-европейскихъ державъ, принимаетъ прямое и рѣшительное участіе въ судьбахъ славянскаго міра и возбуждаетъ въ Сербахъ политическія надежды на освобожденіе отъ чужеземнаго ига. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого же времени начинается въ Россіи усиленное стремленіе къ просвѣщенію въ духѣ православія и славяно-русской народности и привлекаетъ къ себѣ не только восточныхъ Сербовъ православнаго исповѣданія, но и западныхъ Сербовъ—католиковъ, старавшихся сохранить славянскую письменность и народность. Они находили въ Россіи или дома получали отъ нея соотвѣтствующую ихъ религіозно-патріотическимъ стремленіямъ пищу, обновляли сю свои силы и употребляли ихъ на то, чтобы и въ отечествѣ разлить просвѣщеніе, поднять народный духъ и приготовить его къ борьбѣ съ врагами и возвращенію самостоятельности.

Прежде всего стали являться въ Россію за милостынею Аѳонскіе сербскіе монахи, какъ представители всѣхъ восточныхъ Сербовъ. Такъ, еще въ 1517 году приходилъ въ Москву съ Аѳона сербскій старецъ Исаія, къ великому князю Василію Ивановичу [1]). Въ 1585 году одинъ сербскій инокъ Аѳонской Карейской обители писалъ о себѣ, что онъ «монастырскимъ посланіемъ и вторицею былъ въ роускыхъ земляхъ»;

---

1) Описаніе рукоп. Царскаго, № III, стр. 50.

вѣроятно, за милостынею [1]). О Саввѣ Крыпецкомъ біографъ его говоритъ: «слышахъ се отъ нѣкихъ человѣкъ въ повестѣхъ обносимо бяше о семъ блаженнѣмъ Савѣ ови глаголютъ, яко отъ сербскія земли ему прешедшу или отъ св. горы» [2]).

Изъ турецкой Сербіи мы укажемъ слѣдующихъ лицъ, приходившихъ въ Россію за милостынею или искавшихъ здѣсь убѣжища. На Брестскомъ соборѣ 1596 г. былъ Лука митрополитъ Бѣлградскій, нашедшій убѣжище въ помѣстьяхъ князя Острожскаго и жившій въ Степанскомъ Михайловскомъ монастырѣ [3]). Въ первой половинѣ XVII в. пріѣхалъ въ Россію на житье одинъ сербскій митрополитъ. Въ 1641 г., по его ходатайству, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ сербскому патріарху Паисію въ его Печскій монастырь жалованную грамату на пріѣздъ въ Москву за милостынею черезъ каждые 7 или 8 лѣтъ [4]). Въ 1654 г. пріѣхалъ было въ Россію на вѣчное житье сербскій патріархъ Гавріилъ Раичъ, но въ 1656 г. снова отпросился на родину [5]).

И нынѣшняя Герцеговина не забывала о Россіи и искала ея помощи. Въ 1702 году пріѣзжалъ въ Россію Захолмскій, т. е. Герцеговинскій митрополитъ Нектарій, имѣвшій каѳедру въ Требиньскомъ монастырѣ Успенія Богородицы [6]). Кромѣ того, изъ подписи на одной рукописи начала XVIII в. мы узнаемъ, что въ это время проживалъ въ Москвѣ архи-

---

[1]) Истор. сербо-хорват. литер., Ягича, 1871 г., стр. 193.

[2]) Пахомій Сербъ, Ив. Некрасова, въ Запискахъ Новороссійскаго Университета, 1871 г., томъ VI, стр. 19.

[3]) Изученіе византійской исторіи въ древней Руси, Ф. Терновскаго, т. II, 1876 г., стр. 106.

[4]) Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. II, 1860 г., стр. 219 и 236.

[5]) Очеркъ исторіи правосл. церквей, болгарской, сербской и румынской. Е. Голубинскаго, 1871 г., стр. 480.

[6]) Тамъ же, стр. 582.

мандритъ Требиньскаго Крчаскаго монастыря св. Михаила Стефанъ Николичь [1]).

Наконецъ, и австрійскіе православные Сербы, не смотря на подчиненіе свое болѣе цивилизованному народу, нуждались въ помощи единовѣрной имъ Россіи. Исторія поселенія православныхъ Сербовъ въ Австріи раздѣляется на два періода: первый идетъ отъ Косовской битвы 1389 г., окончившей самостоятельное существованіе Сербіи, до переселенія патріарха Арсенія Черноевича въ Австрію въ 1690 г. съ 40 тысячами сербскихъ семействъ, второй—со времени Арсенія Черноевича. Въ оба эти періода австрійскіе Сербы искали помощи у Россіи и находили ее. Въ 1624 г. пропоміемъ епископіи Острожской и Дубенской является изъ Австріи епископъ Мукачевскій Сергій Тисмянскій [2]). Въ 1641 г. пріѣзжалъ въ Россію за милостыней митрополитъ Хопова Никольскаго монастыря изъ Срѣма Неофитъ [3]). Съ тою же цѣлію пріѣзжалъ сюда въ 1648 г. епископъ того же монастыря Михаилъ и затѣмъ архимандриты Хоповскіе. Въ 1667 г. пріѣзжалъ изъ Австріи въ Москву за милостыней называемый въ одномъ мѣстѣ епископомъ, а въ другомъ—митрополитомъ, Іоакимъ Сербо-Славонскій, а въ 1686 г. съ тою же цѣлію пріѣзжалъ сюда Іеновско-Темешварскій епископъ Іоаннъ [4]). Арсеній Черноевичь, расчитывавшій имѣть въ Австріи защиту для себя и своего народа, обманулся въ своихъ разсчетахъ и долженъ былъ обратиться за помощью къ Россіи. Но его сношенія съ Россіей

---

[1]) Описаніе рукописей церковно-археол. муз. при Кіев. Академіи, № 543.

[2]) Волынск. Епарх. Вѣдом., 1869 г., № 15; Очеркъ истор. правосл. церкв. Голубин., стр. 410.

[3]) Сношенія Россіи съ востокомъ, ч. II, 1860 г., стр. 218.

[4]) Очеркъ истор. правосл. церквей, Голубинскаго, стр. 614, 608 и 611.

имѣютъ уже сильный политическій оттѣнокъ, которымъ характеризуется второй періодъ сношеній Сербовъ съ Россіею.

Впрочемъ этотъ второй періодъ не имѣетъ строго опредѣленныхъ границъ. Уже въ самыхъ путешествіяхъ Сербовъ въ Россію за милостынею таилась иногда задняя политическая мысль. Такъ напр., въ 1668 г. отправились въ Россію Седмиградскій митрополитъ Савва и братъ его Юрій Бранковичъ. Царь принялъ ихъ милостиво, надѣлилъ ихъ граматою, позволилъ собирать подаянія и для митрополита Саввы поручилъ полковнику Артамону Сергѣеву изготовить митру; слѣдов., какъ будто смотрѣлъ на нихъ какъ на собирателей милостыни. А между тѣмъ Юрій Бранковичъ былъ уже въ то время тайно помазанъ на предполагавшеся сербское деспотство [1]) и, конечно, этотъ помазанникъ путешествовалъ въ Россію не для одной только милостыни... Упомянутый нами Арсеній Черноевичъ передъ своимъ переходомъ въ Австрію убѣждалъ въ 1688 г. наше правительство поднять оружіе противъ турокъ. Перешедши въ Австрію тотъ же Черноевичъ присылалъ въ 1696 г. въ Россію за милостынею, прося возобновить жалованную грамату, данную при Алексеѣ Михайловичѣ сербскому патріарху Гавріилу Раичу; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жаловался русскому правительству на латинскую пропаганду іезуитовъ между Сербами и на заключеніе австрійскимъ правительствомъ въ темницу сербскаго деспота Юрія Бранковича и просилъ русское правительство о заступничествѣ, которое и не замедлило послѣдовать [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что надежды восточныхъ Сербовъ на политическую и военную помощь Россіи основывались на свя-

---

[1]) Истор. сербск. языка, А. Майкова, стр. 290.

[2]) Тамъ же, стр. 290—294; Очеркъ исторіи православныхъ церквей, Е. Голубинск.. стр. 511; Православная сербская церковь въ Австріи, М. Костича, въ Труд. Кіев. Акад., май 1869 г. стр. 299.

щенномъ союзѣ христіанскихъ государствъ противъ турокъ, который нѣсколько разъ безуспѣшно проэктировался въ прежнее время и получилъ особенно оживленіе во второй половинѣ XVII вѣка. Но были и особыя причины, заключавшіяся въ тогдашнемъ положеніи Россіи, которыя вызвали особыя надежды славянъ и въ частности Сербовъ на Россію. Ее издавна отечественные патріоты считали третьимъ Римомъ, призваннымъ волею Промысла на смѣну стараго и новаго Рима, и наслѣдницею, цареградскаго престола. Теперь, въ концѣ XVII в., по видимому, наступала для Россіи пора вступить въ завѣщанное ей наслѣдство. Она пріобрѣтаетъ значительное политическое могущество, мало по малу становится извѣстною западной Европѣ, вступаетъ въ дѣятельный союзъ противъ турокъ и въ 1689 году пробуетъ свои силы подъ Перекопомъ въ борьбѣ съ крымскими татарами, бывшими въ вассальной зависимости отъ Турціи. Въ этотъ—то періодъ времени, т. е. во второй половинѣ XVII в., начинаютъ обращать свои взоры къ Россіи не только восточные православные Сербы, но и западные Сербы католики, и въ первый разъ указываютъ русской политикѣ на славянскую народность, какъ на общее руководительное начало, независимо отъ вѣроисповѣдныхъ разностей между славянами. Извѣстный уже намъ Юрій Крыжаничъ указываетъ Россіи отдаленную цѣль въ освобожденіи не только восточныхъ Сербовъ отъ турецкаго ига, но и западныхъ отъ турецко-мадъярскаго. Мы не удивляемся, когда слышимъ отъ восточныхъ Сербовъ сочувственныя пѣсни о Петрѣ I, который приглашалъ Черногорцевъ вооружиться общими силами противъ Турціи, говоря имъ:

Вы съ русскими единаго рода,
Одной вѣры, одного языка [1]).

---

[1]) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 8, 1870 г. стр. 268.

Извѣстна также сербская пѣсня о московской царицѣ Елизаветѣ—Екатеринѣ, получившей въ даръ отъ султана посохъ Саввы Нѣманича и крестовое знамя сербскаго князя Лазаря, героя Косовской битвы, т. е. права на турецкую Сербію [1]). Отраженіе этихъ пѣсенъ мы видимъ и въ желаніи сербскаго старца Ѳеодора Милутиновича, чтобы Богъ чаще производилъ на свѣтъ такихъ «человѣколюбивыхъ цезарей и цезарицъ, какъ Петръ I й Екатерина II, которые бы могли «сву Европу, Сербію, Босну и Херцеховину, наши стари мило отечество, Болгаріу, Грецію и остале Божіемъ раю подобне земле од тиранства, глупости и варварства, избавити и ослободити» [2]). Все это, говоримъ, неудивительно въ устахъ восточнаго православнаго Серба. Но насъ нѣсколько неожиданно поражаютъ такія же изліянія чувствъ къ Россіи со стороны западныхъ, католическихъ Сербовъ, радовавшихся всякимъ успѣхамъ Россіи противъ Турокъ за освобожденіе турецкихъ славянъ. Особеннымъ вниманіемъ западныхъ Сербовъ пользовался Петръ I, этотъ сѣверный властелинъ, который, по ихъ понятіямъ, предназначенъ быть обладателемъ Цареграда и освободителемъ турецкихъ христіанъ. Кромѣ прозаическихъ исторій о нашемъ Петрѣ Великомъ [3]), у западныхъ Сербовъ извѣстны и поэтическія о немъ произведенія, напримѣръ: поэма въ прославленіе Петра Великаго, хорвата Павла Риттера или Витезовича [4]), поэма Стефана Розы о томъ же императорѣ [5]), и др. Затѣмъ, кромѣ Петра I, западные Сербы вос-

---

[1]) Тамъ же, вып. 9, 1872 г., стр. 393 и сл.

[2]) Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, стр. 141.

[3]) Geschichte der Südslavisch. Literatur, Шаф., 1865 г., стр. 185.

[4]) Чтен. Московск. Общ. исторіи и древн., 1862 г., кн. 2; Очеркъ истор славян. литерат., Пыпина и Спасовича, 1865 г. стр. 132.

[5]) Geschichte der Südslav. Literatur, Шаф., стр. 150.

пѣвали въ своихъ произведеніяхъ «Put и Krim», т. е. путешествіе въ Крымъ императрицы Екатерины II и Іосифа II [1]), взятіе Очакова [2]), и др.

Россія съ своей стороны руководилась въ своихъ политическихъ сношеніяхъ съ Сербами исключительно религіозно-національными интересами и обращала свое вниманіе только на восточныхъ Сербовъ православнаго исповѣданія. Изъ восточныхъ Сербовъ одинаковымъ вниманіемъ Россіи пользовались какъ находившіеся подъ турецкимъ игомъ, такъ и австрійскіе Сербы.

Мы уже знаемъ о войнѣ Черногорцевъ и Петра I съ Турками и о выселеніяхъ австрійскихъ и турецкихъ Сербовъ въ южную Россію. Выселенія эти, усиливая Россію, вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировали выселявшимся Сербамъ свободу вѣроисповѣданія и гражданскія права, а слѣдовательно составляли благо и для самихъ Сербовъ. Чтобы полнѣе обрисовать покровительственныя отношенія Россіи къ восточнымъ Сербамъ, укажемъ на нѣкоторые факты изъ ихъ политической исторіи, которыхъ мы доселѣ не касались.

Что́ касается австрійскихъ Сербовъ, то, послѣ неудачной попытки русскаго правительства освободить изъ австрійской тюрьмы ихъ деспота Юрія Бранковича, у нихъ не было съ Россіей прочныхъ связей до выселенія ихъ въ 1750—1753 гг, въ южную Россію подъ предводительствомъ Хорвата, Шевича и Прерадовича [3]). Подобныя выселенія австрійскихъ Сербовъ въ Россію, въ связи со страхомъ передъ послѣднею, заставили австрійское правительство ослабить свои притѣсненія

---

[1]) Ibidem, стр., 170.

[2]) Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, стр. 128.

[3]) См. выше.

относительно православныхъ Сербовъ. «Правительство австрійское знаетъ,—говоритъ Бартенштейнъ, какъ ревностно заступается Ея Величество россійская Императрица (Елизавета) за своихъ единовѣрцевъ въ нашихъ (австрійскихъ) земляхъ, и какъ при россійскомъ дворѣ стараются узнать все, что́ дѣлается здѣсь противъ православія» [1]). Въ регламентѣ 1789 г. ясно выразились намѣренія австрійскаго правительства устранить постороннія вліянія на Сербовъ въ Австріи, особенно нравственное вліяніе единовѣрной Россіи. Священникамъ между прочимъ запрещается путешествовать по другимъ державамъ безъ дозволенія правительства, запрещается рукоположеніе священника въ другихъ земляхъ или священнодѣйствовать иностранному священнику въ Австріи. Такія ограниченія сдѣланы были только для православныхъ священниковъ; напротивъ, уніатскіе могли свободно переходить въ Австрію, совершать богослуженіе, а также и посвящаться въ чужихъ странахъ [2]).

Черногорскіе владыки, со временъ владыки Даніила и Петра I, постоянно поддерживали связи съ Россіей. Почти всѣ они перебывали въ Россіи и въ послѣднее время стали даже получать здѣсь рукоположеніе. Въ 1742 г. ѣздилъ въ Москву съ граматами Петра I черногорскій митрополитъ Савва II. Въ концѣ первой половины XVIII в. Черногорцы приняли къ себѣ самозванца Степана Малаго, выдававшаго себя за русскаго Императора Петра III, и не хотѣли выдавать Туркамъ мнимаго русскаго царя до тѣхъ поръ, пока останется хотя одинъ черногорецъ во всей ихъ землѣ [3]). Бывшій серб-

---

[1]) Православная сербская церковь въ Австріи, М. Костича, въ Труд. Кіев. дух. Академіи, май, 1869 г. стр. 321.

[2]) Тамъ же, стр. 330—331; см. май „очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, въ Труд. Кіевск. дух. Акад.

[3]) Милутиновичъ, стр. 15, 46—67. 76—77.

скій патріархъ Аѳанасій II Гавриловичь, бѣжавшій около 1752 г. въ Черногорію, отсюда писалъ къ Елизаветѣ Петровнѣ, предстательствуя за Черногорцевъ [1]). Митрополитъ Василій Петровичь Пламенацъ два раза былъ въ Россіи и въ 1766 г. умеръ въ С.-Петербургѣ [2]). Митрополиты черногорскіе Петръ II, Никаноръ и нынѣшній митрополитъ Иларіонъ получили посвященіе въ С.-Петербургѣ [3]). Избранный же въ митрополиты Данійлъ Петровичь отказался отъ митрополитства и сдѣлался черногорскимъ княземъ съ согласія покойнаго нашего государя Николая I [4]).

Изъ турецкой Сербіи нѣкогда выселились въ Россію князья Рашковичи. Кромѣ того, извѣстно, что бывшій сербскій патріархъ Василій Бркичь или Беркичь бѣжалъ въ 1769 году въ Россію и здѣсь умеръ [5]), и что въ 1776 г., по уничтоженіи сербской патріархіи и удаленіи съ каѳедръ сербскихъ архіереевъ, послѣдніе обратились за помощію противъ насилій константинопольскаго патріарха къ русскому правительству, изъявляя при этомъ свою готовность на то, чтобы архіепископъ сербскій находился въ зависимости отъ русскаго Синода и даже въ случаѣ нужды избираемъ былъ изъ природныхъ русскихъ [6]). Когда въ 1804 г. явился въ Сербіи Георгій Черный и освободилъ часть своей родины отъ Турокъ, первымъ дѣломъ освобожденнаго народа было вспомнить, что у него есть братья одного съ ними происхожденія и одной вѣры

---

[1]) Чтен. Общ. истор. и древн., 1868 г., кн. 1, смѣсь, стр. 236; Очеркъ исторіи правосл. церкви, Голубинскаго, стр. 485.

[2]) Милутиновичь, стр. 485.

[3]) Тамъ же, стр. 319; Макушевъ, 1867 г., стр. 210; Христіан. Чтен., 1872 г., янв., стр. 140.

[4]) См. выше.

[5]) Очеркъ исторіи православн. церквей, Голубинскаго, стр. 486.

[6]) Тамъ же, стр. 488—489.

и отправить посольство въ Россію просить союза и покровительства. Вскорѣ затѣмъ русскій отрядъ пришелъ въ Сербію и помогъ Георгію Черному изгонять турокъ. Походъ Наполеона на Россію въ 1812 г. заставилъ императора Александра I вызвать войска изъ Сербіи и Турціи и заключить съ султаномъ миръ. Съ 1815 г. Милошъ Обреновичъ долго сражался съ Турками, по прежнему искалъ опоры въ Россіи, которая Адріанопольскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1829 году, принудила Турцію признать свободу Сербіи [1]).

Мы указали важнѣйшіе моменты въ обоюдныхъ сношеніяхъ между восточными Сербами и Россіей, потому что этими сношеніями отчасти опредѣляется содержаніе и направленіе самаго образованія у Сербовъ и ихъ литературы. Православіе и сербская народность, родственная русской,—вотъ два девиза, которые принимаетъ сербская культура подъ вліяніемъ сношеній съ Россіею. Рядомъ съ испрошеніемъ милостыни и съ политическими сношеніями и часто подъ ихъ прикрытіемъ Сербы получали изъ Россіи и духовную помощь, то въ видѣ богослужебныхъ и другихъ книгъ, то въ видѣ русскаго образованія.

До XVIII в. Сербы получали изъ Россіи преимущественно богослужебныя книги и религіозно-нравственныя сочиненія. Уже отъ XIII в. сохранились два сербскихъ пролога, въ которыхъ упоминаются русскіе святые, и которые, слѣдов., составлены подъ вліяніемъ русскимъ [2]). Ранѣе 1585 г. принесена была изъ Россіи на Аѳонскую гору «книга Іосипа прѣмудраго», не найденная въ славянскомъ переводѣ ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи, и переложена была съ русскаго языка на сербскій [3]). Въ 1717 г. архимандритъ

[1]) Собраніе сочиненій, А. Гильфердинга, т. II, стр. 7—8; Россія и Сербія, Н. Попова.

[2]) Опис. рукоп. Румянц. Муз., № 319; Учен. Записк. 2. 2, 102.

[3]) Исторія Сербо-Хорват. литер. Ягича, 1871 г., стр. 193.

Требиньскаго Крчскаго монастыря св. Михаила Стефанъ Николичь купилъ въ Москвѣ рукописный сборникъ русской редакціи съ сочиненіями Максима грека противъ Николая Нѣмчина, астрологіи, люцидарія и проч. [1]). Кромѣ того, извѣстны въ сербскихъ редакціяхъ житіе Григорія Омиритскаго и Діоптра инока Филиппа [2]). А такъ какъ оба эти сочиненія несомнѣнно переведены были въ Россіи и русскими людьми [3]), то слѣдуетъ заключить, что сербскія редакціи этихъ переводовъ сдѣланы съ русскихъ оригиналовъ.

Въ XVIII в. книжная помощь Россіи восточнымъ сербамъ не только не прекращается, а еще болѣе усиливается. При Петрѣ Великомъ черногорскій владыка Даніилъ получилъ изъ Россіи немалое количество богослужебныхъ книгъ и церковной утвари и при этомъ 10,000 рублей на исправленіе и возобновленіе церквей, разрушенныхъ Турками [4]). Съ тѣхъ поръ Черногорія постоянно получаетъ подобную помощь отъ Россіи до настоящаго времени. Даже австрійскіе Сербы, не смотря на существованіе мѣстныхъ типографій, до Іосифа II или до 1782 года исключительно получали всѣ церковныя книги отъ Россіи. Путешествуя по Венгріи, австрійскій императоръ спросилъ православныхъ монаховъ въ монастырѣ Бездинѣ, за чѣмъ они берутъ свои книги изъ Россіи и не лучше было бы взять изъ Монкача, т. е. отъ уніатовъ? Православные отвѣчали, что послѣднія не такъ путтентичны, какъ тѣ изъ Москвы и Кіева.

Этотъ наплывъ изъ Россіи богослужебныхъ книгъ, усилившійся съ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, вытѣснилъ

---

[1]) Описан. рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 543.
[2]) Geschichte des serbisch. Schriftthums. Шафар., стр. 210 и 215.
[3]) Описан. рукоп. Толстова, 1, № 7. Собран. Ундольск., № 248.
[4]) Милутиновичь, стр. 46—67.

прежнія сербульскіякниги [1]) и познакомилъ Сербовъ съ тѣми формами старо-славянскаго языка, какія получилъ онъ въ средневѣковую пору русской письменности. Вмѣстѣ съ языкомъ церковныхъ книгъ до нѣкоторой степени пріобрѣталъ извѣстность и русскій языкъ. Вліяніе его замѣтно даже у западно-сербскаго исправителя глаголическихъ книгъ Карамана и еще болѣе естественно было у Сербовъ православныхъ, которыхъ связи съ русскими были постояннѣе и прочнѣе.

Ближайшимъ благотворнымъ послѣдствіемъ ознакомленія Сербовъ съ русскимъ языкомъ было обогащеніе сербской литературы перепечатками и переводами съ русскаго языка. Въ перечнѣ сербскихъ книгъ и рукописей у Шафарика мы встрѣчаемъ: поученіе евангельское съ московскаго, грамматику Мелетія Смотрицкаго, сѣтованіе наученаго младаго человѣка, катихизисъ Петра Могилы, проповѣди Гедеона Криновскаго, краткая сказанія о Бозѣ и проч., наставленіе малое христіанскимъ отрокомъ, иѳику-іерополитику, краткій катихизисъ, богословіе и краткую церковную исторію митрополита Платона, о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, драму Агаръ въ пустынѣ, исторію о разореніи Іерусалима и взятіи Царьграда, житіе Эзопово съ баснями и многія другія [2]).

Въ числѣ этихъ перепечатокъ и переводовъ мы видимъ значительное число сочиненій, заключающихъ элементарныя научныя свѣдѣнія по закону Божію, церковной исторіи, догматикѣ, нравоученію, пастырскому бовословію, грамматикѣ и др., которыя образовательнымъ образомъ должны были дѣйствовать не только на молодое, но и на пожилое сербское населеніе, и полагать здѣсь учебно-воспитательную основу.

---

[1]) Православная сербская церковь въ Австріи, М. Костича, въ Трудахъ Кіев. духов. Акад. май, 1869 г., стр. 337, 343—344.

[2]) Geschichte des Serbich. Schriftthums, Шафарика, 1865 г. стран. 306 и слѣд.

Но прочнаго научнаго образованія въ православномъ духѣ все—таки недоставало восточнымъ Сербамъ, не только обитавшимъ въ Турціи, но и австрійскимъ. Вотъ какъ, напримѣръ, въ 1798 г. писалъ кіевскому митрополиту венгерскій Сербъ Марко Реличъ о недостаткѣ православнаго образованія на своей родинѣ: «я родомъ изъ Венгріи, вѣроисповѣданія греко-россійскаго, не находя тамъ ниодного училища, въ которомъ по крайнему желанію своему могъ бы изучить богословію сего исповѣданія, оставилъ мое отечество для сего единственно предмета. Въ академіи Вашего Высокопреосвященства въ цвѣтущемъ находится состояніи сія богословія. Припадая къ священнѣйшимъ стопамъ Вашего Высокопреосвященства, прошу нижайше принять меня страннаго въ сію академію обучаться богословіи и позволить мнѣ жить въ академическомъ сиротскомъ домѣ[1])». Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи Россія оказывала восточнымъ Сербамъ незамѣнимую услугу, доставляя имъ богословское образованіе въ православномъ духѣ и приготовляя новыхъ дѣятелей для православной сербской науки и литературы.

Сколько въ Россіи воспитывалось въ XVIII в. всѣхъ Сербовъ, мы не можемъ сказать даже и приблизительно; потому что старые документы Кіевской Академіи, бывшей главнымъ просвѣтительнымъ центромъ для Сербовъ, безвозвратно истреблены неоднократными пожарами. Отрывки школьныхъ документовъ нашей Академіи сохранились съ 1732 г.; но они такъ скудны, что въ нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ Іоаннѣ Раичѣ и спутникѣ его іеродіаконѣ Дамаскинѣ, несомнѣнно бывшихъ въ Кіевской Академіи [2]). Тѣмъ не менѣе, и изъ

---

[1]) Акты Кіев. Академіи, собр. В. И. Аскоченскимъ, т. III, л. 719; по Описан. рукоп. церковно-археол. муз., № 221.

[2]) Geschichte des Serbisch. Schrifttums, Шафар., стр. 305—6.

этихъ отрывковъ мы узнаемъ, что съ 1743 по 1799 годъ въ Кіевской Академіи учились воспитанники не только изъ Сербовъ восточныхъ, но и западныхъ. Въ 1743 г. прибылъ въ Россію изъ Константинополя, отъ резидента Вѣшнякова, на вѣчное житье венеціанскій подданный клерикъ Константинъ Секуръ и поступилъ въ Кіевскую Академію [1]). Въ 1750 году поступили сюда два сербскіе уроженца іеромонахъ Исаія Новаковичь и свѣтскій сербъ Павелъ Вуичь [2]). Въ 1761 г. прибылъ изъ Финкенштейна, съ рекомендаціей графа Петра Салтыкова, сербскій іеромонахъ Арсеній Ивановичь, для поступленія въ Кіевскую Академію [3]). Въ 1792 г., по ходатайству новгородскаго митрополита Гавріила, переведенъ былъ изъ Невской Семинаріи въ Кіевскую Академію сербскій уроженецъ іеродіаконъ Іуліанъ, такъ какъ кіевскій климатъ былъ для него сроднѣе [4]). Наконецъ, въ 1798—9 гг. мы видимъ въ Кіевской Академіи извѣстнаго уже намъ венгерскаго серба Марка Релича.

Кромѣ того, сербскіе уроженцы получали въ XVIII в. образованіе и въ другихъ городахъ Россіи, кромѣ Кіева, какъ это извѣстно уже намъ о Невской Семинаріи. Кромѣ іеродіакона Іуліана, здѣсь получилъ воспитаніе черногорскій митрополитъ Петръ I [5]). Извѣстны также сербскіе уроженцы—писатели, оставшіеся на вѣчное житье въ Россіи: Макарій Петровичь изъ Темешвара, обучавшійся съ 1753 г. въ Кіевской Академіи и въ Москвѣ и умершій въ 1766 г. въ качествѣ рек-

---

[1]) Акты, собр. В. И. Аскочинскимъ, т. 1, л. 200, по описан. рукоп. церковно-археол. муз. при Кіев. Акад., № 221.

[2]) Тамъ же, л. 305.

[3]) Тамъ же, т. II, л. 460.

[4]) Тамъ же, т. III, л. 463.

[5]) Броневскій, ч. I, стр. 263.

тора Тверской семинаріи, и Софроній Младеновичь, бывшій игуменомъ московскаго знаменскаго монастыря и умершій въ 1772 г. въ Полтавѣ на покоѣ [1]).

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ Сербы начинаютъ появляться въ Кіевской Академіи приблизительно съ 50-хъ годовъ, поступая въ нее или изъ Бѣлградской семинаріи, основанной въ 1836 г., или изъ семинаріи Кіевской. Здѣсь, между другими, получили образованіе: нынѣшній митрополитъ сербскій Михаилъ Іоанновичь, епископъ Шабачскій Моисей, министръ народнаго просвѣщенія Алимпій Василевичь, архимандритъ Несторъ Поповичь,—нынѣ духовный вождь Дринской арміи, ректоръ Бѣлградской семинаріи протоіерей Павловичь, протоіерей Миланъ Костичь, учредитель Цетинской семинаріи, Николай Зисичь, Андрей Марьяновичь, Николай Биличь, Иванъ Пичета, іеромонахъ Савва Дечанацъ, священникъ Ружичичь, Николай Милашъ, Николичь, Бакичь, Вукотичь и др.

Не довольствуясь посылкою своихъ воспитанниковъ въ Россію, Сербы старались основать и свои домашнія школы и для этого вызывали къ себѣ русскихъ воспитанниковъ или же поручали школьное дѣло сербскимъ уроженцамъ, получившимъ образованіе въ Россіи. Съ 1717 по 1739 годъ нынѣшняя столица Сербіи Бѣлградъ отнята была на время у Турокъ австрійцами. Въ это-то время бѣлградскій митрополитъ Моисей основалъ великую славянскую школу въ Бѣлградѣ и вызвалъ для нея въ учители изъ Москвы нѣкоего Максима Суворова, который принесъ съ собою до 400 азбукъ и до 100 славянскихъ грамматикъ [2]). Въ 1733 году сербо-австрійскій епископъ Ви-

---

[1]) Евгенія; словарь, II, 23—24 и 230, Gechichte des serbisch. Schriftthums, Шафарика, стр. 303—4 и 308.

[2]) Православн. сербская церковь въ Австріи, М. Костича, въ Труд. Кіев. дух. Акад., май, 1869 г., стр. 373.

кентій Іоанновичь устроилъ въ Карловцѣ Сремскую латинскую школу для образованія сербскаго юношества, вызвалъ для нея нѣкоторыхъ учителей изъ Кіева, а также завелъ славяно-сербскія школы въ городахъ Карловцѣ, Офенѣ, Бѣлградѣ, Сомборѣ, Осекѣ и Далѣ [1]). Всѣдъ за Іоанновичемъ епископъ Новосадскій Виссаріонъ Павловичь началъ заботиться объ образованіи собственно духовенства. Онъ на свои средства основалъ и поддерживалъ школу, названную по его имени Collegium Wisariono—Paulovicsianum Petrovaradinense, въ родѣ духовнаго училища съ двухгодичнымъ курсомъ. Наставники составляли изъ себя братство во имя Успенія Божіей Матери, и ученики назывались младшей братіей или sodales этого братства, изъ коихъ нѣкоторые ѣздили въ Кіевскую Академію [2]). При преемникѣ Викентія Іоанновича Арсеніѣ Іоанновичѣ Шакебентѣ или Шакабентѣ закрыта была Карловицкая гимназія, и и русскіе учителя отпущены были безъ разсчета; но архіепископъ Павелъ Ненадовичь, избранный въ это званіе въ 1749 году, возобновилъ Карловицкую гимназію, положивъ для нея начало школьнаго фонда, и префектомъ ея сдѣлалъ въ 1761 г. воспитанника Кіевской Академіи Іоанна Ранча [3]). Въ 1794 г. архіепископъ Стефанъ Стратиміровичь завелъ въ Карловцѣ клерикальную или духовную школу и вслѣдъ затѣмъ такія же школы въ другихъ епископальныхъ городахъ Вершцѣ, Арадѣ и Пакрачѣ [4]). Учебная программа составлена была по большей части архимандритомъ Ранчемъ и, какъ кажется, по образцу программы Кіевской Академіи [5]).

---

[1]) Тамъ же, см. Очеркъ истор. правосл. церквей, Е. Голубинскаго, 1871 г., стр. 619.

[2]) Правосл. сербск. церковь въ Австріи, М. Костича, стр. 374,

[3]) Очеркъ истор. правосл. церквей. Голубин., стр. 619.

[4]) Тамъ же, стр. 622.

[5]) Правосл. сербская церковь въ Австріи, М. Костича, въ Труд. Кіев. д. Акад., май, 1869 г., стр. 378.

Въ связи съ русскими и австрійскими православными школами стоитъ учрежденіе православныхъ семинарій въ княжествахъ сербскомъ и черногорскомъ. Бѣлградская семинарія основана сербскимъ митрополитомъ Петромъ, который вызвалъ въ нее учителей частію изъ австрійской Сербіи, частію изъ Россіи, и съ тѣхъ поръ штатъ преподавателей бѣлградской семинаріи постоянно пополняется сербскими воспитанниками Кіевской Академіи. Въ бѣлградской семинаріи получаютъ воспитаніе не только подданные сербскаго княжества, но и Сербы изъ Босніи, Герцеговины и старой Сербіи, такъ что до 1875 года она насчитывала до 200 воспитанниковъ изъ этихъ турецкихъ областей [1]). Черногорская семинарія въ Цетине открыта при настоящемъ черногорскомъ митрополитѣ Иларіонѣ и въ первый разъ находилась подъ управленіемъ австрійскаго Серба Милана Костича, окончившаго образованіе въ Кіевской Академіи.

Въ послѣднее время подъ русскимъ вліяніемъ получаетъ развитіе и женское образованіе въ Сербіи. Трудно съ точностію обозначить, сколько въ настоящее время воспитывается сербскихъ дѣвицъ въ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Что Московская Алексѣевская Община дѣлаетъ для образованія молодыхъ славянокъ и между прочимъ сербокъ, то отчасти принимаетъ на себя и Кіевская Фундуклеевская женская Гимназія, въ которой учится нѣсколько сербскихъ воспитанницъ. Возвращаясь на родину, онѣ заводятъ здѣсь школы и учатъ своихъ соплеменницъ грамотности и другимъ предметамъ.

Конечно, всякое образованіе можетъ возбудительно дѣйствовать на народные умы, доставляя новыя свѣдѣнія и пробуждая литературную производительность; но не всякое обра-

---

[1]) Кратки историйски преглед узаимних одношаја измежу српске и грчко—цариградске цркве, Ружичича, 1875 г., стр. 150 и 139.

ваніе одинаково клонится къ развитію народнаго духа и характера. Въ этомъ отношеніи чѣмъ ближе и родственнѣе цивилизуемый народъ къ цивилизующему, тѣмъ онъ менѣе подвергается опасности утратить свои народныя черты и даже, наоборотъ, болѣе имѣетъ условій для поддержки и дальнѣйшаго развитія своей народности. Образованіе, получаемое Сербами въ Россіи или на родинѣ отъ русскихъ учителей и подъ русскимъ вліяніемъ, было родственное Сербамъ, славянское. Получая это образованіе, они не только не забывали своей народности, но, по примѣру русскихъ и изъ соревнованія имъ, старались поднять и свою народность на ту же степень развитія и сознательности, на какой находилась русская. Замѣчательно, что сербскіе воспитанники, обучавшіеся въ Россіи, большею частію писали сочиненія на ученыя степени по предметамъ, касающимся ихъ отечественной исторіи. Это зависѣло какъ отъ преподавателей, указывавшихъ сербскимъ воспитанникамъ на ихъ отечественную исторію, такъ и отъ самихъ этихъ воспитанниковъ, съ любовію занимавшихся ученою разработкою національныхъ вопросовъ. Возвращаясь на родину они и здѣсь продолжали и продолжаютъ трудиться въ томъ же духѣ и направленіи, какое получили въ Россіи.

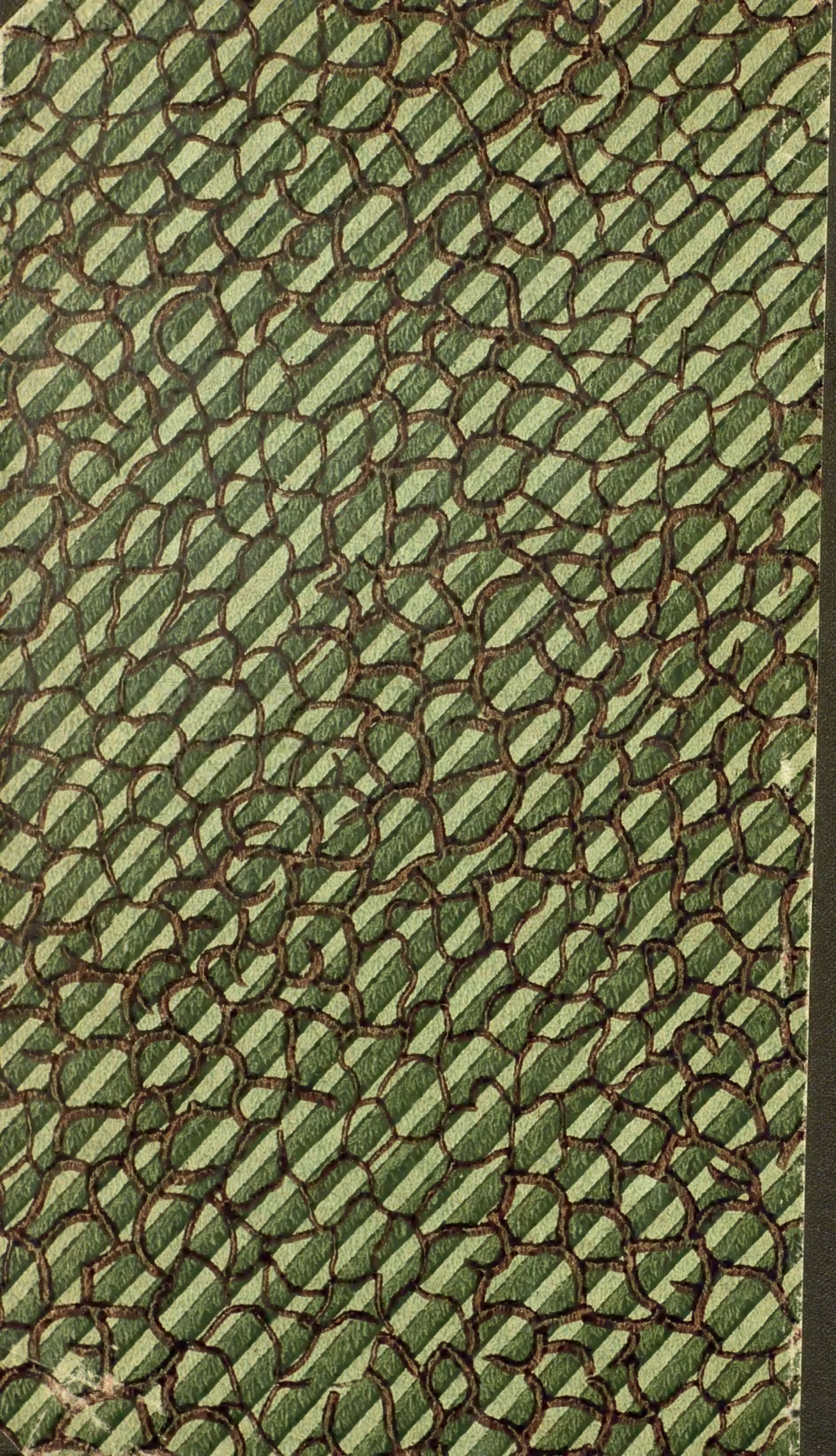
Мы не будемъ перечислять трудовъ воспитавшихся въ Россіи молодыхъ сербскихъ ученыхъ, которыми отчасти пользовались въ настоящемъ очеркѣ; но не можемъ не замѣтить, что самое возрожденіе сербской литературы совершилось подъ вліяніемъ русскимъ. Однимъ изъ первыхъ дѣятелей этого возрожденія былъ кіевскій воспитанникъ архимандритъ Іоаннъ Раичь. Онъ составилъ исторію разныхъ славянскихъ народовъ наипаче же Хорватовъ, Болгаровъ и Сербовъ, задуманную имъ въ Кіевѣ, перевелъ или лучше—переложилъ съ русскаго проповѣди, издалъ Цвѣтникъ и оставилъ много другихъ сочиненій, между прочимъ—духовныя пѣсни. По словамъ Субботи-

ча, «народъ принялъ эти сочиненія съ безграничной любовью и считалъ ихъ сокровищемъ націи; у кого было какое нибудь изъ нихъ, тотъ сохранялъ его какъ сивильскую книгу» [1]). Сочиненіями Раича увлекался, между прочимъ, Досиѳей Обрадовичь. Онъ зналъ хорошо о Раичѣ, въ молодости мечталъ объ ученыхъ и собирался для этого въ Кіевъ [2]). Хотя Обрадовичь и не получилъ въ Россіи образованія, однако въ значительной мѣрѣ подчинился вліянію русской литературы. Вводя въ книжное употребленіе народный сербскій языкъ, онъ однакоже не хотѣлъ разрывать связи между новымъ сербскимъ языкомъ и прежнимъ церковно-славянскимъ, составлявшимъ общую собственность всѣхъ православныхъ славянъ. Принимая за образецъ русскаго поэта Ломоносова, онъ заимствовалъ изъ церковнаго языка всѣ тѣ богатства, которыя казались ему соотвѣтствующими духу его народа [3]). Съ Обрадовича собственно и начинаютъ новую сербскую литературу.

Настоящее положеніе Сербовъ, мм. гг., намъ всѣмъ извѣстно. Мы стоимъ теперь на порогѣ знаменательныхъ событій и съ нетерпѣніемъ ждемъ ихъ счастливаго разрѣшенія. Но что бы ни сталось съ Сербами, во всякомъ случаѣ мы увѣрены и будемъ вѣрить, что сербское племя есть племя культурное, и что оно не пропадетъ даромъ съ лица земли.

---

[1]) Обзоръ исторіи славян. литературъ, Пыпина и Спасовича, стр. 139.

[2]) Тамъ же, стр. 141; сн. Geschichte des serbisch. Schriftthums, Шафарика, стр. 312.

[3]) Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, II, стр. 79.